Дневник духовный

Сергей Николаевич Булгаков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Дневник Духовный" писался отцом Сергием Булгаковым в 1923-25 годах. Данное издание использует копии дневника, сделанные матерью Бландиной (Оболенской). В них не хватает первых страниц, написанных на отдельных листах. Сам дневник был написан в большой переплетенной тетради, подаренной Булгакову учениками с посвящением "Дорогому отцу Сергию. День св. Сергия. 29 сентября. Белград. Пшеров. Прага. 1923 г." В записке Оболенской сказано, что в тетради имелась еще вкладка от 1928 года (была утеряна).

•

Прага 8/21. III.1924

Вчера вечером, после тяжелых впечатлений от суеты века сего, неудач и личной горечи, я пришел отравленный и всю ночь — во сне и без сна — тосковал и скорбел. Я чувствовал себя погруженным в глубокую тьму, и, как часто бывает, вся жизнь казалась мне ошибкой и неудачей. И я чувствовал в себе и на себе дыхание *смерти:* она входила и выходила и владела мною. Я молился, звал Бога, но не в силах был прорваться из глубины. Был сон: куда-то едем, высылают, и с нами новорожденное, хилое, несчастное дитя, и сердце изнемогает от боли и жалости за это дитя. Таким и встал, мертвым, тоскующим, и стал молиться. Сначала трудна была молитва, но потом чудесно возгорелось сердце. Господь умилосердствовался надо мною, сердце оттаяло, слезы радостной любви к Господу оросили меня, и я почувствовал в сердце одну радость, одну любовь и одну муку: все, все отдать для Господа, принять от Господа, понести от Господа. Христос мой, дай мне одно: любить Тебя, истаять в этой любви. Свете мой, Сладчайший Иисусе! Радость моя, Услаждение! Не оставляй это хладное, мертвое сердце Ты, воскресающий мертвецов!

9/22.III.1924

Целый день облегала меня тьма, и тщетно взывал я из глубины к Господу. А вечер принес целый сноп света. Скончалась жена пр. К-ра. Она была, вернее считала себя, неверующей. Господь удостоил ее, руками меня, грешного, приобщиться св. тайн. Еще на исповеди она лепетала о своем неверии, а ее прекрасное, чистое, верное сердце уже любило и знало Господа. А перед смертью она просила положить с собою в гроб тот плат, которым отирала она губы при причащении. Радость моя, родная

моя, это Господь Сам пришел вечерять с тобою. И положу тебе в гроб не только плат, но и стеклянный сосуд и ложечку, которыми тебя причащал. Ограждайся ими от прира-жения демонского и гряди к последнему суду, доблестная! И лежит она, родная, — ясная, спокойная, словно спящая, спорхнула ее душа, как птица, и где-то здесь, среди нас. И почувствовал я, что и моего окаянного сердца касается Господь руками и молитвами новопреставленной Екатерины, и затрепетало сердце мое от радостного зова. Прав Ты, Господи, и правы пути Твои.

10/23.III.1924

После смуты и смятения сердца Господь дает Свой свет и мир и радость. Разрываются облака, тают тучи, и то, что вчера еще казалось мрачным и безотрадным, ныне горит радостью небесной. Ничто не изменилось, только Господь коснулся сердца, и оно возрадовалось. Не нужно ничего, чем дорожат люди, не нужно талантов, успехов, достижений, все это — мнимое богатение в себя. Есть одно богатство и радость, которые Бог дал ровно всем людям: жизнь свою, содеваемую в Боге, и сердце, способность любить и радоваться любовью.

О, сердце человеческое, седалище образа Бо-жия в человеке! Что тебя краше и сладостней, что радостней любви! Бог есть Любовь, и любящий пребывает в Боге. О, радость! О, радостей радость! Звенит песнь радости в любящем сердце, и изнемогает оно в блаженстве. «Я сплю, а сердце мое бодрствует», в него стучится Жених.

12/25.III.1924

Господь дал нам духовный меч — молитву, но как трудно владеем мы им, когда разленивается и хладеет сердце наше. Спешит человек, чтобы скорее миновать молитву и взяться за дела дневные, спешит от молитвы. И лишь когда преодолеет он разленение сердца своего, когда загорится он молитвою, увидит он, что спешить некуда и не к чему, что нет ничего на земле нужнее и сладостнее молитвы.

14/27.III.1924

Бог послал мне радость видеть чистое творчество женской души. И удивлением пред чудесами Божиими и благодарностью полна душа моя. Трепещет сердце и не знает слов и мыслей, хочет оно, маленькая личинка, растаять и излиться в океане божественной любви, нас окружающей. О любовь Божия, Любовь, и наша человеческая любовь, любовь Любви, они безмерно различествуют, но изливается в океан каждая капля, и пусть, пусть прольется в это море и капля моего сердца. Господь мой,

Радость, Сладчайший Иисусе!

15/28. III.1924

Господь дает новый день жизни, новую возможность любить Его, угождать Ему, созидать храм свой, дает новую радость жизни. Он как бы снова творит мир Свой радостным этим днем. Надо каждодневно чувствовать это новое благодеяние Божие, это новое творение мира, возгревать в сердце своем благодарность и умиление. Когда на молитве утренней благодаришь Бога за этот день, данный Им, то с радостным удивлением смотришь на этот день, на эти небеса, на этот мир, опять тебе данный. И тогда невольно смотришь и на конец, когда по мановению десницы Божией отнимется от тебя мир сей и не будет уже новых дней, а только старые дни, в суете тобою загубленные, будут смотреться в зеркало души твоей.

19.III/1.IV.1924

Что краше чистой человеческой души, обращенной к Богу! Эти дни я был у одра умирающего и зрел его молитвенные восторги, и чувствовал себя недостойным стоять у сего святого места, ибо Господь был здесь. Как будто распахиваются врата вечности и через них доносится свет и звон и радость, радость навеки...

21.III/3.IV. 1924

Из глубины воззвах к Тебе, Господи. Когда сердце обуревает печаль и мрак сходит на душу, Ты, Господи, только Ты — утешение мое и прибежище мое. Я хватаюсь за край ризы Твоей, и утихает скорбь, и радость, благодарная радость заливает сердце. И я чувствую, что этой радости ничто не отнимет от меня. Но когда я, по малодушию, выпускаю из своих рук эту ризу, я тону. Господи, услыши глас мой и помоги всем сирым и скорбящим душам. Как высоко служение священства — стоять у скорбных и умирающих, зреть борения их и свет души их, молиться с ними и о них. Я был у постели молодой чахоточной девушки, и душа моя горела, и трепетал я от жалости и умиления пред этим срезанным цветом жизни. Близ Господь всем призывающим Его.

23.III/5.IV.1924

Блаженны кроткие... Слова Господа о блаженстве кротости приходят на сердце, когда искушения некротости, запальчивости, гнева посещают грешную душу, а они всегда ее посещают; и как сладостно не отдаться этим чувствам, какую свободу и радость дает кротость. Недаром Господь о

Себе сказал, что и Он кроток и смирен сердцем и дает покой душам нашим.

26. III/8.IV.1924

У одра умирающего... Как высоко и блаженно служение священническое! Господь дает священнику стоять у врат вечности, когда они открываются, чтобы принять отходящую душу, и сам он смотрит в эти отверстые врата, и это созерцание как обличение и вместе как освежающий душу призыв входит в душу. Оно должно бы вносить в нее непрестанное памятование о смерти и сознание близости обоих миров. И особенно, когда в мире отходит праведник в полном сознании и преданности воле Божией, как ныне... «Готово сердце мое», — говорит он о себе священнику, и тот нудит его самого к самоиспытанию: готово ли его сердце и, если нет, почему оно не готово? Иссыхающую душу освежает небесная роса, чувствуешь близость Господа и руку Его над собой, и сердце горит любовию и радостным удивлением. Нет смерти, а есть лишь два мира, вернее один, но пока для нас разделенный.

11

28. III/10.IV. 1924

У одра умирающего о Господе. Нет страха смерти, нет ее раздирающего ужаса, но есть радость, блаженство и готовность послушно повелениям Господа перейти в другой мир, Ему одинаково покорный и близкий, как этот мир. Стояние перед лицом вечности и потеря чувства собственной тяжести... О, как это освобождает душу, как исполняет ее небесного восторга... И как перед *этим* ничтожны наши земные события. Мы оторваны от России, это *духовная* наша родина, и, однако,*что значит и это,* когда пред нами наша общая духовная родина. И ни разу об этом не вспомнил и не почувствовал отходящий друг, ибо пред ним родина по плоти — семья его, и родина по духу — священник, в котором живет эта русская земля и с этой родиной и из этой родины грядет в родину духовную. Все не так, как здесь, иные измерения, иное в%идение. Благословен Бог, сподобляющий меня, недостойного, видеть и переживать все эти чудеса.

5/18.IV.1924

Радость творчества. Перед моими глазами совершилось чудо человеческого творчества о Гос-

12

поде и для Господа: чистыми девическими руками начертались иконы Спаса и Приснодевы, как плод глубокого благоговения и тихой молитвы, а вместе настойчивого

самоотверженного труда. Как возвышенно и свято это делание! Господь дает силы. Он посылает вдохновение, Духом Святым печатлеется красота. Ему довлеет искусство человеческое, и блажен тот, кто может и хочет и Ему отдать это искусство. И если в малом, в уголке, неприметном для мира, так благостно это творчество о Господе, какое блаженство наступит, если люди станут все делание совершать в Господе, если вся жизнь станет славословием, литургией. Ей, гряди же, гряди, Господи Иисусе!

18.IV/1.V.1924

Страстная седмица и Пасха Христова — дивные и явные чудеса Божии, каждогодно являемые, как возмущение вод в Силоамской купели. Это высокие горы, к которым ведет долгое восхождение великого поста, высота которых даже не чувствуется во время нахождения на ней. Душа воспламеняется и пылает все разгорающимся огнем в дивные дни Страстной седмицы, и, умирая, блаженствует, и блаженствует, умирая. А затем огонь этот сразу и непосредственно меняется и перехо-

дит в райский, светлый и веселящий, нежгущий и нежгучий, белый огонь пасхальный. Если бы люди, чуждые Церкви, знали это, как загорелись бы, как засветились бы души их. И это явное чудо благодати Божией, спасающей и милующей. Все преображается, и это и есть уже заря преображения, все предстает в другом свете, благодатно, изнутри освященном. И такая жуткая и сладкая вместе с тем милость Божия. Порою душа хочет как будто разрешиться от тела в сладостной истоме, отдать себя Богу, замереть... И этот свет Воскресения, об-листавающий вдруг в пасхальную ночь, сменяющий все цвета и краски, все облекающий в белизну, которой не знает земной белильщик, как он входит в сердце, свивается там белым огнем, и горит, и светит. О радостей радость, сладчайший Иисусе!

6/18.V.1924

Нужно любить *труд* молитвы и никогда не ослабевать в нем. Люди ищут духовных услаждений, и, если благодать явит им лицо свое, когда она отнимется от них, они тоскуют и хладеют душой. Но труд молитвы, настойчивый, неослабный и упорный, есть выражение нашей действенной любви к Богу, которая стремится связать на-

ше греховное естество и принести к алтарю. Царство Божие силою нудится. И никогда не остается неоправдан этот труд. Бывает, что молишься, а сердце остается хладным и черствым и

язык — деревянным, а все-таки, если понудишь себя и ни в чем не дашь уступки и поблажки лености своей, после молитвы душа чувствует себя обновленной, упругой и окрепшей.

Это бывает и при богослужении церковном, когда и оно сопровождается охлаждением: и после него чувствуешь себя укрепленным. Поэтому трудитесь, братья, трудись и ты, лукавый раб, ибо труд есть любовь, и нетрудящийся леновст-вует в любви, он хладен сердцем.

19.V/1.VI.1924

Какое чудо — молитва. Грешный и недостойный человек в безумном дерзновении шлет свои мольбы, бросает свои слова в небо, и услышана бывает молитва, об этом знает сердце молящегося, когда он искренно молится. Это не значит, что *всякое* наше желание немедленно исполняется так, как нам этого хочется, это может и быть — и тогда молитва является непосредственно чудотворной, — может и не быть, но молитва искренняя, сердечная *всегда* имеет действие и *всегда* ис-

полняется, она *всегда* чудотворна, ибо движима всесильным и страшным Именем Божиим. Молись, человече, научись молиться, и великая сила, радость, спокойствие будут с тобою. Не отрицайся силы молитвы по немощи греховной, не говори о себе, что такому немощному и грешному не внемлет Бог. Он всякому сердцу молящемуся внемлет, и оно внемлет слышащему его Богу. И Бог не где-то вдали, высоко в небесах, Он здесь, в твоем сердце, везде, где призывается с благоговением Имя Его, ибо Он есть в этом Имени.

О какая милость Божия — молитва! Приучай себя к дыханию молитвы, вверяй себя молитве, научись ничего не предпринимать без молитвы, и благо тебе будет! Молись и в горе и в радости, в нужде и благодарении, и будешь чувствовать Господа, держащего тебя за руку твою, и никогда не будешь один... Предзрех Господа предо мною, откуда приидет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю.

26.V/8.VI.1924

Сегодня я шел к литургии ранним утром по освеженным после ночи улицам города. Я думал: Господь дает это утро в мире Своем. Все живет в нем в необъятной шири и глубине. Неисчисли-

мые творения: люди и птицы, рыбы в глубине и пиявки на Эвересте, вся чисть и нечисть, — и все поет хвалу Богу в это утро, и все Им исполнено, и всюду Он близ... И близок Он и тебе, и ты

создан в этот мир как его часть, не худшая других, ты удостоен бытия, ты гражданин и этой земли, и этих звезд, и всех бесконечностей великих и малых. И ты можешь, и поэтому должен внимать песне мира, несущейся к тебе отовсюду, славе Бога, которой полно небо и земля. И нет ведь здесь иного *тогда* или *там,* а есть только неподвижное *здесь* и *теперь.* Вся жизнь, пока Господь не загасил этот свет твоей жизни, есть непрестанное *теперь.* И какой грех против себя и против мира, какое малодушие ты обличаешь в себе, уходя в это *тогда.* Вот здесь, сейчас близ Господь и Слава Его, близ вечность и этот бесконечный Божий мир: и ангелы, поющие хвалу Богу, и вся тварь. Как это почувствовать во мгновении, биение мирового сердца и себя как частицу теплой мировой крови, несущейся по мировому телу? Как мне предзреть Господа пред собою выну? Но могу и хочу, Ты Сам помоги и научи меня, Господи!

17

28.V/10.VI.1924

Каждый день начинает новую жизнь, как эту книгу, и открывает новую безмерность милости Божией. Бог дает любить Его и молиться Ему, радоваться любовью и жить. И как лениво сердце мое, которое хочет оттолкнуться от усилия этого дня и про себя думает: не этот обыденный день, но иной... какое-то завтра. А между тем в каждом мгновении жизни *все:* и Бог, и мир, и наша собственная душа. И это только слепота и косность души ждать какого-то нарочитого мгновения, чтобы остановить его, сказав ему: ты прекрасно!

Поистине *так* прекрасно каждое мгновение жизни, ибо дает его Бог, и не ленись, душа моя, знать это и осуществлять... И когда отнимутся мгновения, погаснут огни жизни, тогда мы узрим, *как* прекрасно, воистину прекрасно каждое мгновение, и тогда будет поздно... Господи, рас-шири мое сердце, чтобы знать, как прекрасно даруемое Тобою мгновение жизни, чтобы, радуясь, Тебя благодарить, и в радости этой растворится вся земная скорбь.

18

30.V/12.VI.1924

Какое чудо любовь! Господи, Ты исполнил чудес мир Твой, весь он есть чудо благости и премудрости Твоей. Но и это чудо бледнеет пред чудом Любви, пред чудом человеческого сердца.

Ты, Любовь Сущая, вложил в человека образ Свой, вложил в него способность любви, и силу любви, и жажду любви, и

блаженство любви. Нет блаженства могущественнее, неизъяснимее любви, оно не вмещается в земную жизнь, оно переполняет душу и изливается на весь мир, оно освобождает душу от оков этой жизни.

Сильна, как смерть, любовь. Смерть в этом мире сильнее жизни, ибо она ее обрывает, но любовь сильнее смерти, она разрывает жизнь, но она и зажигает жизнь в вечности. Любовь всегда носит в себе вечность, она есть живое откровение о вечности, ибо сам Бог Любы есть. Вечность — это и есть любовь, и голос вечности, откровение вечности в человеческом сердце есть любовь. Сколь дивны дела Твои, Господи. Ты сотворил мир, но Ты сотворил и то, что выше мира, — любовь. Люди слепые и глухие, поймите же *тайну* любви во Христа и во Церковь, поймите блаженство любви. Господь — Жених, Возлюбленный души моей, Церковь — невеста моя возлюбленная. Любовь — блаженство ненасытное, жажда неутолимая, ревность — как преисподняя лютая.

19

И эта любовь никогда не насыщается, она все разгорается и переполняет душу. Такова любовь к Господу моему и такова любовь Господа ко мне, к каждому своему созданию. Любовь Божественная — это океан беспредельный, пучина неиссле-димая, пламя неугасимое и вечно распаляющееся. Любовь есть радостей радость, блаженство блаженств.

6/19. V I.1924

«Подкрепите меня... ибо я изнемогаю от любви. Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня» (П.П. 11,5). Это сказано в Песни Песней любви про человеческую душу. И когда душу осеняет этот белый, сладкий, не опаляющий, но увеселяющий огонь любви, душа испытывает такое неземное блаженство, что трепещет и хочет вырваться из тела. И становится ясно, что из всех блаженств, из всех благ, которые уготовал Господь человеку, высшее блаженство есть блаженство любви. Любить божественною любовью можно и человека или в человеческой любви находить эту любовь божественную, потому для людей и между людьми нет ничего выше, безусловнее, святее любви, Бог-Любовь создал людей для любви, и райское блаженство *есть любовь,*

20

разгорающаяся и распаляющаяся превыше всякого предела и утопающая в океане божественной триипостасной любви. И тогда становится понятным, что весь Новый Завет — о любви, любви

Бога к миру, к падшему созданию, любви Христа к Церкви и ко всякой человеческой душе, любви триипостасного Бога, к которой Он приобщает, хочет приобщить творение. «К нему при-идем и обитель у него сотворим». И Дух Святой — Утешитель есть радость торжествующей любви, утешение — это любовь, и любящие, они обвеваются и утешаются Духом Святым, они чувствуют в себе сердце Христово, любящее их, и в них весь мир. Вот почему, когда огонь любви загорается в одной точке, он переходит на весь мир, он охватывает всех и вся...

10/23.VI.1924

О я, несчастный грешник, каких великих даров и благодеяний Божиих я сподобляюсь. Сегодня ночью содрогался я и извивался как червь, и душа моя умирала от блаженства веяния Св. Духа. Я чувствовал это веяние, я знал его, я любил и радовался неземным блаженством радости любви. И я познал, что Дух Святой есть любовь, и откровение Св. Духа есть блаженство любви. Когда Гос-

подь, по Евангелию от Иоанна, обещал Утешителя, Он же дал и новую заповедь: «Да любите друг друга», и эта заповедь есть о приятии Св. Духа, и новое обетование — радость Свою совершенную, и эта радость есть радость о Духе Святом.

Днесь ночью я впервые познал это на опыте, и был со мною Дух Святой, и я изнемогал, и плакал, и трепетал, и любил всех и все, сердце ширилось и кипело, и изнемогало от любви. Этого нельзя сказать словом, неизреченен Дух Святой, но я узна%ю блаженство будущего века, я узна%ю исполнение обетований... Господи, дай мне сил идти стезей Твоей, научи меня творить волю Твою!

11/24.VI.1924

С вечера легла на душу черная туча — мысль о несчастной, обезбоженной, страдающей родине, идущей навстречу новым испытаниям голода, и темно было и тяжко о ней. Но сегодня на молитве предал себя и родину в волю Божию, и появились покой и мир. Твори волю Твою, Господи! Ты ведаешь пути, Ты знаешь их, помилуй, помилуй братьев моих, помилуй Церковь Твою.

Как в море волны, сменяются в душе все ее чувства, вдохновения и упадки. Как удивительна

жизнь этого моря! Лишь бы всегда оставалась в нем эта глубина, лишь бы не оказывалось оно игралищем всякого ветра.

23.VI/6.VII.1924

Совесть — голос Бога в человеческом сердце. Как она

неуловима и неподкупна, как она обличает ложь и грех, срывает маски, поражает пороки. И нельзя ее обмануть. Но когда смутно в душе и когда она сама не в силах разобраться в море противоречий, тогда проси Господа пролить свет Его в тьму неведения и показать правый путь.

Благословен еси Господи, *научи* мя оправданием Твоим. И так в великом и в малом. И пусть не мнит горделиво человек, что он знает путь свой и это путь добра, ибо трудом молитвы дается от Господа ведение путей своих. Научи же, Господи!

23

3/16. VII.1924

«Толцыте и обрящете»... Бывает уныние, тревога, тьма на сердце, вся человеческая безысходность. И в это время молитва: как-то не верится естественному человеку, что может быть что-нибудь сделано. Но не надо, недопустимо так думать: Бог всесилен, и молитва всесильна. Она невозможное делает возможным, она разрешает неразрешимое неожиданным, иногда совсем нечеловеческим, путем. Неложно сказал Господь: толцыте и обрящете. И нужно с трудом молитвы соединить и *мужество* в молитве, уверенность в *исполнимости*и в исполнении всякой несуетной, достойной молитвы.

И о том, что молитва услышана, есть всегда в сердце удостоверение. Молящийся как-то *знает* об этом, и услышанная молитва всегда исполняется так или иначе, только надо Господу вверить это исполнение. И, видимо, исполняющаяся молитва есть непрестанное чудо милости Божией, и вся жизнь становится чудом...

24

1/14. VIII. 1924

Господи, Господи, изнемогает душа моя от любви к Тебе и благодарения к Тебе. Весь этот дивный мир, который меня окружает и который я оскорбляю своим грехом, неведением, небрежением, все эти люди, которых Ты даешь мне и знать и любить и которые меня, окаянного и недостойного, почему-то любят, жизнь эта, этот день, каждое дыхание жизни, время, которое Ты положил для меня во власти Своей, все это — дар, дар Твой, от которого никогда и нигде не уйти и не возблагодарить.

Горит мое сердце, изнемогает душа моя, Боже, Боже мой, сладкий, благой, великий. Надо благодарить за все: за радость и горе, за жизнь и за смерть, за блаженство и испытание, за любовь и за ненависть людскую. Но смущается иногда мое бедное сердце: как могу я благодарить за голод, за плен духовный, за неволю и

несчастья, за гибель моих близких, моего народа, за поругание родины моей? Не будет ли это ложь и лицемерие, мерзость пред Господом? Я безответен стою пред этими бедствиями, перед этими засухами и голодовками, которые посланы Богом на людей неповинных, на младенцев.

Снова миллионы русских людей обречены на голодное умирание, как это вместить? О, можно и это вместить, если себя им отдать, все свое, до

25

конца, отдать Богу, давшему все. Но мы не делаем этого, оставаясь сами на берегу, мы видим тонущего, и тогда берет нас трепет и ужас. Да, не все постижимо человеку и не может стать постижимо, ибо начала и концы все теряются в безвестности и бесконечности, и навсегда останутся тайной судьбы людей.

Но в этом сладость веры, подвиг веры: Господь, которого не устает благодарить душа моя за великие Его дары, Он всегда и во всем Себе верен. И надо молить Его о милостях Его, но благодарить о всем всесильную и любящую десницу Его! Господи, научи благодарить Тебя, дай силу благодарить!

3/16.VIII.1924

Господи, мой Господи! Доколе длится гнев ярости Твоей на землю Твою? Пощади ее, помилуй, спаси ангелы Твоими от лютых демонов, ее терзающих, помилуй души эти, оскверняемые от рождения, лишаемые святого крещения, растлеваемые в мыслях и чувствах. Изжени раскованного, который, чувствуя, что немного ему дней осталось, терзает людей Твоих. Не о прежнем благополучии, которого мы недостойны были, просим Тебя, но освободи Церковь Твою святую,

26

яви ее в славе Твоей. Когда молишься о России, — так тяжело, что сначала молитва упадает в пустоту и как будто отскакивает беззвучно перед глухой стеной. Она безответна. А затем сердце слышит какой-то ответ, что мы не ведаем происходящего, что хранит русскую землю Матерь Божия, что она спасена, и не нужно только отчаиваться, нужно верить и надеяться, нужно в себе возгре-вать эту любовь и веру.

5/18. VIII.1924

Какое бедствие постигло русскую землю, какое развращение! Изнемогает ум объять происходящее, раскованный сатана ярится. Но Господи, мой Господи, Ты прав, и правы пути Твои. Ты знаешь, что не виновны те, которые обучаются греху с молоком матери, как нет заслуги тех, которые жили в иные, более христианские

времена. Но как единожды ответил Ты пророку Илии, что соблюл Ты Себе не преклонивших колена перед Ваалом, и как в Содоме сохранил десять праведников, так и ныне блюдешь в роде российском сих избранных и готовишь их к часу славы Твоея. Ты их проводишь чрез все искушения и закаляешь против всех напастей. Они пребывают с Тобою в напастях Твоих и явятся в славе Твоей. И

они тогда станут ходатайствовать пред Тобою о братьях своих. Значит, есть и теперь путь избранных Тобою, не закрыт он для человека. Яви же его нам, укрепи волю нашу и верность нашу. Ибо Ты рек: не бойся, избранное стадо, яко благоволил дать ему царство Отец Мой!

7/20.VIII.1924

Только бы покорность воле Божией! Только бы не дрогнуло сердце от неверия, от уныния, от страха пред совершающимся в мире, на родине нашей, пред всеми трудностями и сложностями, которые встают в жизни нашей. Если они не по воле нашей, не по греху нашему, но нам даны, ниспосланы как судьба, прими это как волю Бо-жию о себе, как загадку до времени и задачу для настоящего. Нев%едом, непостижим путь, конец, цели Божии, но в сердце нашем удостоверитель-но звучит, что есть Бог и Его святая воля во всем.

Поэтому приучай себя смиряться, смиряться перед фактом, как пред волей Божией о тебе, но не смиряйся ни пред каким греховным фактом в тебе самом. С ним борись и надейся на помощь Божию. В судьбах же внешних — мира ли, или человечества — ты себя должен спрашивать лишь, а чего от тебя это требует, какой образ делания до-

стоин христианской веры. И мысли, и чувствуй так, что от тебя, от этого твоего действия или бездействия, как бы ни казалось оно мало или ничтожно в своей собственной сфере, судьбы мира зависят не меньше и не иначе, как от всех этих грандиозных, но и призрачных событий, которые совершаются на исторической сцене. Но не думай отворачиваться, отодвигать, объявлять существующее несуществующим, *уходить* от своего долга. Проклят ленивый и лукавый раб! И особливо будь верен с человеческим сердцем, любовь которого и судьбы вверяет тебе Господь. Смотри на это, как на самое важное, самое ответственное дело твоей жизни, имеющее значение для всего мира. Люби, дерзай и жертвуй, и прочая приложатся тебе.

8/21.VIII.1924

Невозможное человекам возможно Богу, во всем, и в человеческих сердцах в особенности. Если есть трудность у тебя, человече, в делах твоих, в отношении к близким твоим, в любви и нелюбви, молись о них, молись и о себе, да пошлет Господь силу и разум.

Молись и вверяй себя Ему, и будь спокоен, внемли только сердцу своему. Господь посылает

людей, Он дает встречи, Он указует пути. Нет ничего случайного в людских отношениях, люди созданы друг для друга. Молись за любящих тебя и друзей, молись за ненавидящих, молись за тех, кто сами о себе не молятся, отягченные и ослепленные. Ведь для всех нужна твоя молитва...

10/23.VIII.1924

Бывает, что болеет близкий и дорогой человек, и всегда молимся о его спасении и исцелении. Церковь благословляет и зовет к такой молитве, и она не знает и не допускает молитвы о конце, кроме молитвы о разлучении души с телом, если оно слишком тягостно и продолжительно. Но позволительно, а могущим вместить даже и надлежит, молиться о конце мира и втором пришествии, как молились христиане: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» А это ведь есть и наша смерть, о которой свидетельствовал апостол: желание имый разрешитися и со Христом быти. И иногда, в ответ на человеческое усилие удержать во что бы то ни стало, хотя и явно есть воля Господня к иному или исполнилась уже полнота жизни, в ответ на это в душе поднимается голос: не удерживай. Ныне надлежит исполнить всякую правду. Это чувство бывает, когда колос уже со-

зрел и ждет своего серпа. Конечно, нам никогда не дано знать этого окончательно, но прозирать можем, тогда, например, когда смерть приближается в старости...

12/25.VIII.1924

Господи, научи нас молиться, как Иисус научил Своих учеников! И Божественная Премудрость изрекла молитву Господню. Ныне мне надлежит бремя сие непосильное: просят составить молитву о страждущей родине нашей! И я не могу не внять этому зову. Но что реку? Господи, Ты видишь немощь мою и зришь грехи мои. Ты ведаешь, что я недостоин зреть на небо и называться Твоим сыном. Но если Тебе нужно, возьми меня, возьми руку мою, и пусть она начертает не то, что скажет мой

жалкий ум, но что Ты в нее вложишь. Эти дни — святые Богородичные дни, Бо-жия Матерь сама спасала русскую землю. Пусть и ныне Она спасет и Она мне поможет делу спасения через молитву сынов земли русской. Матерь Божия, тебе вверяю грешную руку свою. Ты благослови и направь начертать то, что угодно Тебе!

31

16/29.VIII.1924

Пресвятая Богородице, спаси нас! Молись, че-ловече, пречистой Матери Божией, Царице Небесной и Матери рода человеческого, молись с любовию, с верою, с надеждой, молись неотступно и верь, что Она услышит молитву твою. Нет человеку ближе, роднее человеческого существа, нежели Матерь Божия, сущая на небесах. Она покрывает мир, заступает его, Она со всею тварию, над всею природою, Она над водами и сушей, пашней и лесом, человеками и тварию. Она все в себе объемлет, все соединяет, всему Она — сердце милующее. После Господа и вместе с Господом молись Матери Его, Носительнице Духа Святого. И верь, что Богоматерь умолит и подаст тебе дар Святого Духа, и ты узришь Сына Божия, живущего в тебе. О, кто изъяснит тайны Богоматер-ние, кто уразумеет их. Пресвятая Богородице, спаси нас!

17/30.VIII.1924

Не думай. Не думай, о человече, о делах твоих, как они устроятся, как сложатся твои отношения с людьми, как разрешатся трудности. Не пец%ыся на %утрей. Ты не знаешь ни продолжительности

32

твоей жизни, ни всех условий, которые с тобою изменяются. Это смущение и тревога, которые на тебя нападают, все это подобно богачу, который хотел себя обеспечить на будущее, когда Бог отъял его душу. Нужно знать и твердо знать, как поступить сегодня: Господь дает нам сегодняшний день, полный всегда новых, неведомых, таинственных возможностей. Каждый день есть новая тайна у Бога, тайна о нашей жизни. Бог не давал бы дней, если бы они не были раскрывающейся тайной. И мы должны искать для себя места среди этих возможностей, должны ходить пред Ним, проверяя свой шаг — ближайший. Будь же беспечен святою евангельскою беспечностью, как дети. Греховна твоя многозаботливость, греховно твое желание так обдумать и устроить свою жизнь, чтобы ее *обезопасить* от всяких об-стояний. Брось. Над тобою бдит ангел, охранитель душ и телес наших, все

святые, Матерь Бо-жия, а ты бди только и храни сердце твое, его отдай и принеси Богу, его наполни елеем любви и радования.

20.VIII/2.IX.1924

Воспою Господа в животе моем, пою Богу моему дондеже есмь. Каждый день, который дает Бог, освящай молитвой, хвали Бога, люби Его, поклоняйся величию Его!

Как безмерна милость и благость Божия, что Он внемлет молению нашему, дает нам молитву и слышит ее, и приходит к молящемуся и пребывает в молитве. Ибо не в небесах неизмеримости Господь, но Он здесь, близ, во святом Имени Его, с верою и благоговением призываемом. И мы ведаем эту близость Его, это слышание Его. Вот почему молитва так омывает, освежает, исполняет сил, успокаивает душу, вот почему после искренней и горячей молитвы возвращаешься в мир и жизнь, словно Моисей с вершины Синая, неся на лице своем сияние лица Божия.

23.VIII/5.IX.1924

Всегда душу человеческую бороздят волны и гладь ее затемняют ветры. Во сне и наяву мы испытываем иногда неожиданные и непонятные смущения. Смущался я ночью на ложе моем, и снилось мне, что скончался наш патриарх и его погребают. И восстал, смущен: что будет с Церко-

вью без него? Но по молитве утихла душа моя: для святейшего страдальца за русскую землю нашу его странствие есть величайшая милость Бо-жия, яко честна пред Господом смерть преподобных Его. А о судьбах Церкви без него нам ли заботиться, когда мы не ведаем, что будет завтра.

И с новой твердостью прозвучало мне слово Господне: «не пец %ыся убо на %утрей» — возложи на Господа печаль твою. Только молись, молись горячо, искренно, до тех пор, пока узнаешь, что услышана твоя молитва, по возгорению сердца, по теплоте сердечной узнаешь это. И тогда пойдешь с омытой душой на труд свой.

Господи, какое чудо милости Твоей, непрестанное и повседневное, дал Ты нам молитвою. Научи же нас молиться, воспламени дух молитвы, разреши леность сердец наших.

24.VIII/6.IX.1924

И снова дает Бог день жизни, и снова дает ее творчество, участие в судьбах людей, мира, строительство своей собственной души: *сей день его же сотвор%и Господь...*

Как мало мы вдумываемся и вслушиваемся, что ведь Господь творит каждый день и час жизни нашей, и творит из небытия. Из пустоты, из

несовершенности выплывает бытие, жизнь. И по воле Божией время останавливается и снова все погружается в пустоту смерти. Господь животворит, Твой есть день и Твоя есть нощь. О если бы мы могли всегда провожать и встречать каждый день и час своей жизни с этим сознанием, какими самоцветными камениями предстала бы она пред нами и как бы мы *ходили* пред Господом. Будем возгревать эту мысль и это знание в сердцах наших, предзреть Господа пред собою выну...

6/19.IX.1924

Вчера в Збраславе, в день св. прав. Захарии и Елизаветы, за литургией, после святого причащения и во время молебна о спасении России я, окаянный, удостоился неземного озарения. Предо мною на престоле стояла икона Казанской Божией Матери, довольно хорошего строгановского письма, принадлежащая старообрядцу Солодов-никову. Мне стало казаться, что лик Пречистой бледнеет, а затем явственно и несомненно я видел в очах Пречистой слезы, она плакала. И это не раз и не два, это длилось, не знаю, долго или мало. Это не были слезы, которые можно было бы видеть глазом, хотя мне ничего не прибавило бы к достоверности, если бы они вытекли и ска-

тились по пречистому лику. Но это было несомненное знамение: Богоматерь плакала. И в сердце у меня открылась сладостная и неизъяснимая тайна о том, как любит мир Богоматерь и как плачет Она о нем. В этих слезах была одна чистая любовь милующая, одно страдание за грех и о грехе, без всякого суда, осуждения, гнева. Сердце Богоматери ранится и плачет от всякого злого дела, слова, греховного приражения, ибо она есть любовь.

Слово бессильно выразить эту мысль и это чувство, но для меня было ясно, что, если бы открылась *такая* любовь и когда она откроется, ею, этою любовию, будет покорена и спасена *всякая* душа, глыба растает, сердце рванется в ответ этой любви, этой чистоте, жалости, страданию. Спасение мира и откровение Духа Святого будет откровением этой милующей и несудящей, а только жалеющей любви. Господь весь суд отдал Сыну, яко Сын Человеческий есть, но Дух Святой, живущий в Богоматери, не судит, а только милует. На Страшном суде судит

Сын, но Пречистая милует и молит за мир. Она и на Страшном суде милость, прощение, жалость, не правда-любовь, но милость-любовь. И посему всегда Богоматерь милует, предстательствует, молится, молится за мир и плачет о мире, а мы, недостойные, своими грехами заставляем плакать Богоматерь.

37

Она на небе, прославленная Царица Небесная, но Она же и тварь, нераздельная с миром, Она живет и его жизнью и им ранится и скорбит и исцелит в полноту времен мир. Здесь тайна будущего века и спасения. Пречистая Матерь, Ты явила моему окамененному сердцу любовь Твою к миру, дай же силу явить эту любовь и людям. Пресвятая Богородице, спаси людей.

7/20.IX.1924

Когда скорби и трудности обступают тебя со всех сторон и не видит человеческий глаз твой исхода и выхода, возложи на Господа печаль твою, молись и будь беспечен и беспечален. Господь, слышащий молитву твою, снимет печаль твою, Он управит стопы твои. Если ты видишь несчастье, нависшее и неотвратимое, старайся верить, что если это от Бога, то нет несчастья, а только не знаем и не умеем мы понять совершающегося, молись тогда: да будет не моя, но Твоя воля. Но проверяй свою совесть, ищи в ней, не ты ли виновник, своими грехами, нелюбовию, немолитвою, в несчастьи ближних твоих, любимых твоих... И молись, молись...

38

10/23.IX.1924

Под рождество Богородицы, в поезде, я удостоен был озарения Господня. Я смотрел в окно на розовеющую пашню, алеющую листву и голубеющее небо, и душа исходила в сладостной истоме от любви к Господу и миру Его. И вдруг в душе поднялась бурная радость, которая ждет и которую я впервые познал. И эта радость — смерть. Впервые в жизни в опыте я познал, что смерть есть величайшая радость, которая *ждет* человека, ибо ждет его Богоматерь, ее любовь, ждут ангелы, ждут святые, ждут близкие и любимые, ждет... Господь. Это необъятный трепет и ужас, но это и радость, радость безмерная... Желание имый разрешитися и со Христом быти — впервые стали жизненной правдой эти слова апостола. И так есть, да, так. И вместе с этим, в то же мгновение пронеслось, что к радости этой надо отстрадать, что страх и муки смерти — это путь к радости радостей, и это надо претерпеть, и все претерпеть, все вместить.

И сразу по-иному осветилась вся стариковская жизнь; она угрюмо плетется к мрачному, неизбежному концу, все мрачнее и все скуднее, а здесь вдруг все, все изменилось: все идет к радости, великой, безмерной, все превосходящей радости.

39

О любовь Божия, о любовь Богоматери, все превосходящая! Как нам быть достойными своего предназначения, как вместить! Нет страха смерти (хотя, конечно, по слабости естества, и сохраняется природный страх и природная привязанность к жизни), нет уныния, есть *радость,* радость смерти. И у меня сверкнуло на сердце, что значит слово Божие: *«Сильна, как смерть, любовь».* Что значит это уподобление, свидетельствующее, что любовь есть смерть, — она в себе имеет смертное самоистощание, но и смерть есть любовь. Но в этом вдруг мне открылась истина этих слов: да, смерть есть любовь, которую уже не может вместить земное сердце, от которой оно разрывается... Но потому она есть и радость, ибо любовь есть высшая радость, единая радость на земле. Да, сильна, как смерть, любовь, любовь есть смерть, смерть есть любовь... Нет большей силы в мире, чем смерть, ибо пред ней все склоняется, но есть ей равная и столь же всепобеждающая сила — любовь. Но смерть упразднена, любовь же всегда пребывает.

13/26. IX.1924

И снова видел я во время литургии в Никольском храме печаль и плач на Лике Пречистой, и

40

опять было это такое чувство, что невозможно было терпеть, невозможно было видеть печаль Пречистой, душа исходила от этой печали... Великая печаль из нашей родины, скорбь, какой не было еще от создания мира, и не знаем, будет ли. Осквернена земля, растлевается сердце народное, исповедники веры томятся в заточении и изгнании. И неумолимо обличает совесть: разве мы любим родину? Разве мы молимся о ней? Господь, быть может, и попустил эту скорбь, дал сатане поразить Иова, чтобы дать нам явить любовь, умолить, вымолить спасение.

Нужна скорбь сердца, нужны слезы на постели моей, истинное сокрушение — не о тех избранниках Божиих, которые томятся за Имя Христово, но о тех жертвах обольщения, которые хулят Имя Его, не ведая, что творят, которые стали плоть, уподобляясь предпотопному человечеству, о детях этих и юношах, развращаемых в безбожии, лишенных святыни, храма, веры, радости, чистоты, целомудрия, о всех этих бесчисленных жертвах

убиения души, а не тела.

Как пророк Божий Давид скорбел и плакал и не вкушал хлеба, и было ему в ответ пророчест-венное видение, так и мы должны быть облечены во вретища сердца, с плачем вкушать хлеб свой. Нужен *подвиг молитвы* в клети сердца своего, нужна непрестанная боль и плач, которые слышит и видит Господь. Такая преискренняя молит-

41

ва всесильна, только такою молитвенною любовью и покаянием, покаянием каждого про себя и за себя, можем мы *спасать* Россию — силою Бо-жиею вымолить у Бога спасение России. Иначе же мы, мы ответственны за гибель и за страдание. Господи, распали сердце мое, дай мне слезы любви и молитвы. Пречистая, ты явила мне твои слезы о мире, дай мне, окаянному, приблизиться к плачу Твоему о земле русской.

16/29.IX.1924

Святой крест есть треблаженное древо спасения, и он есть тайна личной нашей судьбы. Насколько мы взяли свой крест, настолько мы и имеем в себе силы жизни для вечности. Крест есть знамение победы, победившей мир, но он есть и орудие борьбы, и сама борьба, как борются между собою, но и связываются, оба его перекрещивающиеся направления. Если Ты Сын Божий, сойди со креста, так говорили Ему, и так же, невольно, говорит мир каждому из нас. Примирись с миром, сними эти остро, углами пересекающиеся линии, и будешь спасен. Но это обман, потому что всегда пересекаются эти линии в личной судьбе, *дан* крест каждому, можно его только взять или не взять, сделать или не сделать крестом Христовым.

42

О, как сжимается сердце от этой мысли, ведь и Сын Божий молил: «Да мимо идет сия чаша!», и Ему нужно было превозмочь борением смертным: «Да будет воля Твоя!» Посему не бойся сего изнеможения, человече, не смущайся крестной муки, потому что она пройдет и останется лишь знамение победы... Изнемогай, падай, но поднимайся и гряди вслед Ему до победного конца...

20.IX/3.X.1924

Если обступают тебя тучи, о человече, если людская неправда или незнание угрожают тому, что кажется тебе нужным, справедливым, добрым, — смирись, не соблазняйся об этих людях. Скажи себе: они лишь орудие в руках Божиих. Значит, не нужно того, что тебе казалось так нужно, значит, ошибается твой ум и близоруко смотрит глаз твой. Ведь ты не знаешь ни своей

собственной судьбы, ни судьбы человечества. Погляди в жизни Господа: Его окружало непонимание, подозрительность и злоба, и непостижимо казалось, что Анна и Каиафа хотят стать на пути дела Божьего, дела Христова. Но они оказались орудиями лишь в совершении судеб Божиих.

Знание наше о себе слишком отрывочно, мы не знаем о себе ни прошлого, ни будущего, чтобы

судить обо всем. Если только не предашь себя на волю Божию, прежде всего и всецело, от всей души своей и сердца, и не обретешь в этом предании и покоя и уравновешенности, будет тебя смущать и соблазнять противодействие мира сего твоим, кажется тебе, благим начинаниям. И близок будет соблазн уныния, ропота, отчаяния. Но надо верить в Бога и в Его промышление о нас, и надо свой разум, даже в самых его очевидных и бесспорных определениях, подчинять и отдавать воле Божией. А для этого надо, чтобы в сердце непрестанно теплилась, как лампада, светила, хотя и слабым, колеблющимся огнем, память о Боге и мысль о Нем, чтобы в сердце слабым ручейком сочилась молитва, ограждающая тебя от зол. Ведь в этом — и только в этом — ты свободен, этого не могут отнять у тебя и помешать тебе люди, и это всегда «на потребу». Утвердись же в этой крепости души твоей. Чем больше угрозы и волнения, тем крепче молись. Молись ни о чем, из любви к Господу, дабы Он дал тебе любовь Свою, и молись о том, чего ищешь, что строить хочет душа Твоя, и *никогда* не поставляй своих желаний непогрешимыми и непреклонными. Смиряйся пред волей Божией.

23.IX/6.X.1924

Все, что случается с нами в жизни, все слова и встречи, — суть некие божественные зовы и во-прошания, которым надлежит внимать недремлющим ухом. Мы не можем вместить всего, не можем и многого, но то немногое, что до нас доносится, мы должны принимать сердцем. Из всего необъятного моря страданий и греха, которое всецело доступно обнять и принять только Единому Безгрешному, нашей слабости дается услышать только одну крупицу, но ее мы должны ответственно услышать.

Когда ты находишься в покое, в довольстве, мнишь себя оттого в чистоте и силе, не зная, что если от тебя отнимется это, отнимется и мнимая твоя сила, помни всегда о тех, кому это не дано не по их вине. Чем же ты лучше их или чем они хуже тебя? На это нет ответа на человеческом языке, в разных судьбах людей

непостижимая для нас воля Божия, но эту волю надлежит благоговейно ощущать во всех делах и событиях, да не впадешь в уныние, недоумение, ропот.

Непостижима эта воля человеку, но нужно воспитывать в себе принятие *всякой* воли Божи-ей. И это есть подвиг веры, кровавого пота. Сын Божий принимал человечеством Своим непостижимую волю Отца, как *внешний* для себя закон: «Не яко же Аз хощу, но яко же Ты!» И Он, как че-

ловек, хотел для себя иного, чем нужно было по воле Божией. И *всегда* это так есть. И те беды, несчастья, соблазны, грехи, развращения, падения, победа зла, уничтожение добра, весь тот океан греха и злобы, который нас ужасает, существует попущением Божиим. И не нужно расслабленности, которая приемлет благодарно волю Божию лишь там, где она благостна и для человека вожделенна, нет, надо работать над собой, чтобы принимать ее там, где она сурова, непостижима, жестока, ибо что же есть более жестокое и непостижное, как послать Сына на крест, отдать Его на муку?

Не расслабляйся же, человече, в благополучии, да не впадешь в уныние в час испытания. Памятуй, что всегда, сейчас, в эту минуту, испы-тываются твои братья, и будь готов отдать Богу все — свою волю, свой разум, свои желания, чтобы, вопреки всему, и пред лицом всего говорить: Твоя воля да будет. Только этого, не меньшего, требует любовь к Богу.

24.IX/7.X.1924

Господи, Ты прибежище мое, Ты укрепление мое, Ты радость моя! Какая радость любить Господа, какая радость молиться Ему, какая радость

внимать Ему в сердце своем. Какая радость молиться Радостей Радости, Матери Божьей, какое блаженство взирать на Ее Пречистый образ, какое умиление призывать Ее Пречистое Имя!

О люди, люди, вы ищете земных утех и радостей, если бы ведали вы, что Бог дает нам всегда этот источник радости в молитве к Себе, а вы его не хотите пить. И поистине Дух Божий сходит на молящегося человека, сердце его расширяется, душа его выходит из берегов и рвется из тела к вечности и неизмеримости. И, пылая любовию к Богу, она любит любовью пламенеющей и близких, и дорогих, и друзей, и друга, всех тех, кого Бог дал, чтобы вкупе любить Его. Возрадуется душа моя о

Господе, облек бо нас в ризу спасения.

26.IX/9.X.1924

Радостей Радость, Матерь Божия! Ты и свет и отрада и утешение, Ты мира спасение, Ты твари стенающей утоление, Ты Духа Святого Носительница, Ты — сам Дух Святой, человеком явившийся, Ты Матерь Бога нашего и всего рода человеческого. Ты — Невеста неневестная, Небесному Жениху уневестившаяся и всякой душе христианской приобщившаяся. Твоею Любовию ко Христу, Сыну Твоему, любит всякая душа христи-

анская, любит матерински, как сына своего рождающегося, любит яко невеста, к жениху своему устремляющаяся. Вся слава Дщери Царевой внутрь, вся сила Твоя внутреннего человека соделывает. Ты с миром живеши, Ты мир наш, на небесах сущий. Твоею любовию от праведного гнева Божия избавляемся, Твоею милостию на Страшном суде Сына Твоего от праведного осуждения свобождаемся. Ты — пресветлое солнце миру, Ты жена, облеченная в солнце. О Тебе изнемогает всякое слово, любить Тебя изнемогающее. Ты в час смертный утешавши, Ты у ложа смертного предстоиши. Ты избранников Своих услаж-даеши и зраком Твоим радостным увеселявши. Ты и нам, грешным, в иконах святых зрак Твой являвши и чтить Тебя пособлявши. Ты осеняешь небо и землю, Ты лес и поле, воды и сушу Собою исполнявши и землю нову уготовлявши. Ты леле-еши всякое бытие, о Тебе цветы благоухают, для Тебя краски мира сего сияют, Тебя поют звуки сладости, Тебя славословят горы и земли. Царица Преблагая, небеси и земли Госпожа Пречистая. Радостей Радость, Радость наша единственная, Радость совершенная.

27.IX/10.X.1924

О Радостей Радость, Царица Небесная! Какая радость икона Твоя! Невольно вопиет душа пред святым Твоим зраком: и откуда мне сие, да при-иде, Мати Господа моего, ко мне! Да, приходит Матерь Господа и вселяется в честной иконе своей в наших домах и жилищах, и радует нас и милует нас, о Радостей Радость, о Радостей Радость, Владычица! И поет душа: величит душа моя Господа, поет с Нею, Ее словами. Когда зришь Ее пречистый лик, душа рвется из тела от радости; она стремится лететь в небеса, в пространства необозримые. И тогда становится ясно, как и почему встречает нас Богоматерь у смертного порога. От света Ее трепещут и растекаются демоны, от света Ее тьма смертного пути становится осиянною, от света Ее самая смерть становится

праздником радостным, встречей желанной, радостью радостей, потому что на пороге ее нас ждет Радостей Радость. Да, это так, если только мы сами не окружим себя темным облаком грехов, земных привязанностей и низких страстей, в которых привольно будет привитать и скрываться демонам, нас мучающим и пугающим, если только мы не ослепим свои духовные очи, чтобы не видеть этого света.

Любите, о христиане, Пречистую Деву, молитесь Ей всегда, и Она спасет вас в час смерти и

приведет поклониться Богу нашему и Царю Господу Иисусу Христу. О Радостей Радость, Пречистая, Пренепорочная!

28.IX/11.X.1924

Будь готов отдать Богу, если Он требует, самое дорогое, самое любимое в жизни. Бога надо больше любить, чем человека, и нельзя удержать для себя, против воли Божьей, нельзя даже этого хотеть. Это крест, самый тяжелый крест, который подъемлется человеком для Бога: кто не возненавидит мать и отца, жены и детей Мене ради, несть Меня достоин, и кто не хочет и не умеет отрекаться для Бога, не достоин Бога. Но в этом отречении обретается высшая любовь и блаженство, как неложно обетовал Учитель: кто отрекся от матери и жены и имений, и здесь, в веке сем, среди гонений имеет больше, нежели он отрекся. Он имеет то, от чего он отрекся, в Боге и с Богом.

Бог ставит нас на пути отречения и ждет нашей воли, нашего самоотдания для того, чтобы утешить нас в скорби нашей. Господи, дай сил. Если возможно, да мимо идет чаша сия, но не яко аз, но яко Ты хощеши.

30.IX/13.X.1924

Дивны дела Твои, Господи, и несть слов изгла-голати дела рук Твоих! Когда видишь свою жизнь в ее кризисах и поворотных точках, то зришь руку Божию, нас ведущую. Будущее закрыто нам, но оно полно, полно возможностей, нам не ведомых, но Богу ведомых. И эту дивную книгу чудес Божиих, книгу жизни нашей, читаем мы в жизни и с изумлением зрим, когда открывается перед нами новая страница ее. Но не так ли и впредь, и не так ли и за порогом жизни, где мы сейчас ничего не видим и не различаем, но где Премудрость Божия уготовала нам новую жизнь и новые жизни. Только верь, только положись на крепкую руку Божию, тебя ведущую.

3/16.X.1924

Господи, аще возможно, да минует меня чаша сия, но Твоя воля да будет! Молись, если обуревают тебя волны жизни, если испытываешь ты безысходность, да явит Господь тебе волю Свою, явит, как Ему угодно — знамением, откровением, встречей, событием. Внемли себе, чтобы не пройти мимо посещения Божия, чтобы внять гласу Божию. Но если уразумеешь, страшись

51

противиться ей, страшно бо впасть в руки Бога живого. Если Господь пошлет тебе крест, возьми его. Не бойся его тяжести, ибо Господь дающий ведает, кому что по силам. Бывают судьбы человека, или времена в его жизни, когда только рассечением сердца своего может он спасти себя и тех, с кем связана его жизнь. И Господь изнемогал и падал под тяжестью креста, но нет иного пути христианину. И верь, Господь даст силу, даст мир и утешение в скорби твоей.

4/17.X.1924

Только молись, только веруй, о человече! Бывают положения в жизни, из которых нет выхода, бывают узлы отношений, которые нет сил человеческих разрешить. Человек падает в грехе, путается, томится в безысходности. Бывает, когда сердца человеческие срастаются так, что не могут разделиться и не могут соединиться, и некая тайна жизни, тайна будущего века в нынешнем содевается. Молись жарче и горячей, молись Христу и Матери Божией, и от молитвы получишь мир, и покой, и ясность, и силу пройти в следующий день жизни, и так изо дня в день, без будущего и не заглядывая в будущее. Довлеет ведь дневи злоба его, и возложи печаль свою на

52

Господа, Той тя препитает. Но ходи всегда пред Господом, будь готов отдать Ему ответ в чистоте каждого твоего слова и помышления. Помни, что от Него не скроется никакое движение сердца, никакое слово и мысль непотребная. Но сказал Господь: милости хочу, а не жертвы, и милостив Он к нашей немощи. Зане Сам Он изволил нам созданием Своим быти, Сам дал нам сердце любящее и изнемогающее. Возложи на Господа печаль свою.

7/20.X.1924

Предо мною билась в судорогах несчастная женщина в тяжкой болезни, потерявшая мужа и оставшаяся одинокой на чужбине, уже немолодая, отцветшая. Что реку человеческим умом и человеческой силой? Ты, Господи, Сам дай мне ум, дай слово, дай силу утешать, призывая к принятию воли Твоей. Мы созданы для вечности, мы призваны жить не здесь, и это становится

очевидным тогда, когда в тот мир уходит самое дорогое, а любящий остается здесь, в этом мире. Как спасти любовь от бессилия, как спасти душу от отчаяния? Только Богом и в Боге, только молитвой. Крылья молитвы перенесут в тот мир, они дадут незримую связь с любимым, они будут

53

все ближе и ближе переносить к нему, пока не наступит час призывный, когда погаснет свет и наших очей. Крестил, благословлял, ласкал, жалел, а сам в сердце своем призывал Господа, Который только силен помочь и утешить. Он дает, Он отнимает, Он и утешает.

8/21.X.1924

Господи, вот начинаю я новый день Твоей благости, новую страницу жизни. Помоги мне, чтобы не осталась она пустою, по лености моей, как и большая часть дней жизни моей, и чтобы не покрылась она мерзкими грехами моими, вольными и невольными, ведения и неведения, но даруй, чтобы хотя самомалейшая крупица служения Тебе ознаменовала день сей, сохрани меня и близких моих друзей святыми ангелы в день сей, покрый их от всякого зла, дай им всем исполнить в день сей волю Твою, да не раскаеши-ся Ты, преблагий Господи, что дал нам, недостойным, сей день жизни нашей. Во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

54

11/24.X.1924

Крест Христов есть сила любви к Христу, без креста нет к Нему любви. И жертва есть сила любви, и без крестной муки нет Любви. Надо от-вергнуться себя — себя умалить и презреть, себя утаить и растоптать для того, чтобы было благо другому, любимому, и тогда Господь израстит в душе белые райские цветы, анемоны страдания. Сердце истекает кровью, изнемогает, а где-то вверху звенит райская песнь, которую услышим мы за гранию времен. Люби крест свой, не стенай, не жалуйся. Но благодари Господа, если Он подаст тебе милость *вольного*креста, вольной жертвы во имя любви. Сердце твое напояется истекающей из него кровию, рана его закрывается своей собственной корой, отходит эта жизнь, а внутри таинственно зарождается новая. Господи, удостой меня креста Твоего, дай любить не для себя, но для того, для тех, кого любишь, пошли любви Твоей, любви крестной.

55

12/25.X.1924

Господи, мой Господи! Ты — Любовь и даешь любовь. Как возблагодарить Тебя за радость Любви, за то, что Ты даешь любить. На ложе моем трепещет и изнемогает душа моя от любви к Тебе, Богу моему и Пречистой Матери Твоей и к дивному созданию Твоему — человеку. Пред очами моими раскрывается чудо творения Твоего, как Ты владеешь чистой душой и делаешь ее перстами Твоими органом Твоим. О чудо раскрывающейся в Боге души, о чудо творчества в Боге и для Бога. И эта распаляющаяся любовь не может вместиться в берега души, она ищет излиться, куда же, куда? В Тебя, океан божественной любви и милосердия. Нет слов, нет мыслей, нет чувств, но гремит и горит в душе палящая любовь Твоя. Я — уголь в Твоем пламени, и, когда горю, становлюсь воедино с любимыми со всеми, со всем созданием Твоим. Я хочу гореть, сожги меня любовию, Ты рек, благостный: кто близ Меня, тот близ огня...

14/27.X.1924

Не унывай, нет слабости и греха убийственнее. Подумай: премудрый и предивный Бог от века избрал Тебя к бытию. Он дал тебе жизнь, опреде-

лил тебе судьбу от первого дня до последнего, Он избрал для тебя время, землю, народ, близких, родных, друзей. Он наделил тебя дарами, которые тебе нужны и которые ты в силах понести, и от тебя Он хочет одного: любви к Нему, доверия сыновнего к Отцу. А ты, пугаясь и отчаиваясь, не Отца, но злого мучителя видишь в небесах. Ты неблагодарен, ибо не видишь и не хочешь видеть благости. Ты не хочешь знать, что нет блага выше жизни, дара Жизнодавца. Ты ошеломлен испытаниями, грехами, бедствиями, ты изнемогаешь от скверны и ограниченности своей, которую все по-новому узнаешь в себе. Но помысли, что Бог яснее тебя видит тебя и твою судьбу, но Он ведает не только это мгновение, перед которым ты изнемогаешь, но и века веков. Отвергни страх, исчадие диавола, ибо боящийся несовершен в любви, извергни уныние, эту смерть души ранее смерти. Кайся во грехах, но их не бойся, ибо безмерно милосердие Божие. Страшись правды Бо-жией, но не отчаивайся, ибо на весах этой правды взвешена и вся твоя тварная слабость. Не мирись с миром и грехом его, но ведай, что он содержится рукой Божией, так же как и ты. Без этого мгновения не просуществовал бы мир, и он во всем грехе своем содержится любовию Божиею, все ведающей и все прощающей. Как же ты можешь, как смеешь унывать?

15/28.X.1924

О, страшный час смерти и страшного суда Бо-жия! Как я предстану пред лицом Твоим! Как я буду скорбеть о потерянной в лености, в праздности, себялюбии затраченной жизни, какой сплошной ошибкой, грехом, неудачей будет она казаться! Как далече станут все близкие и знае-мые, и одна, одна совесть будет развертывать свой нелицеприятный список! Как ничтожно покажется то, что теперь кажется столь важным и нужным, как преходящи все земные волнения, а над всем и во всем будет один страшный приговор: Бог дал тебе долгую жизнь, дал силы и здоровье, дал близких и друзей; как и кому отдал ты эту жизнь, какой след останется от нее в мире? И нет ответа, кроме позднего бессильного сожаления, вечной муки несодеянного добра. Конец близится, ему смотришь в лицо иногда, но не вводишь его в свою жизнь, как постоянную проверку, постоянную *поправку* ко всему житейскому, не имеешь памяти часа смертного. А он приблизится нежданно и совершенно *просто,* так же как просто каждое мгновение жизни. В чем застает Господь, в том Он и судит, в чем же застанет Он тебя, жалкая душа моя? Не нужно запугивание себя адскими муками — это недостойно христианской души, хотя, несомненно, будут и муки, но нужна непрестанная серьезность и правда

жизни, нужна память о Боге, любящая, заботливая, сыновняя: как не оскорбить Отца? Как не потерять себя, свой вечный лик в этом потоке зла и суеты? Никогда*не забывай:* никогда не забывай то, что ты любишь, не забывай то, чему ты служишь, не забывай прежде всего Бога Твоего, которому ты работаешь. И если будешь это *помнить,* то тем самым будешь помнить и о часе смертном, потому что ничего нового в нем не откроется, кроме того, что всегда носишь в душе. Вот эта-то *обыденность* каждого дня, она и составляет содержание жизни, и надо, чтобы обыденность была ясна, серьезна, достойна, величественна.

17/30.X.1924

Блаженны *кротции,* яко тии наследят землю. Господь ублажает *кротость,* ей Он сулил победную силу, которую не дано иметь ни уму, ни богатству, ни житейской изворотливости: кротость наследует землю. Как любезна кротость, как мудра кротость и как сильна кротость: если тебя искушает насилие, если ты онеправдован, если поднимается в тебе гнев и возмущение и тебя побеждают, ты сам в плену от насильников, твой дух несвободен. Но только попробуй быть кротким и

смиренным сердцем, и ты станешь свободен, светел и ясен, твой ум ясно покажет тебе твой путь, и ты выйдешь победителем из трудного положения. Главное же — сохранить себя, сохранить свою душу. Не допусти себя до того, чтобы обидеться, озлобиться, остраститься, тогда ты в плену соблазна, тогда ты не на твердой почве. Но если ты принадлежишь себе, ты неотразим. И как радостно уступить, отдать, не иметь своего — и как победно! Нельзя стремиться к победе ради победы, тогда кротость твоя будет просто военной хитростью и лицемерием, ложью, но только кротость побеждает. И как легко совершаются грехи именно против кротости, как часто раним мы самые нежные, любящие сердца некротостью, какие вызываем дорогие слезы. Кротость есть любовь и сила любви, некроток нелюбящий, и грехи против кротости суть грехи против любви.

18/31.X.1924

Опять встало солнце, движутся миры, снова дает благой Господь жизнь и день. Как осветилась бы, как радостна стала бы наша жизнь, если бы мы обрели в себе силу благодарить, ибо что есть блаженней, радостней благодарности! Благодарность есть любовь, она дает не только дар,

но и, что неизмеримо больше, — дарящего. Изнемогает слово мое, изнемогает мысль, Господи, о благодарении: разве могу я окинуть взором все благодеяния Твои, ведомые и неведомые. Ты даешь мне этот мир, который я пятнаю грехом и нерадением своим, Ты даешь мне любить и любовь, а как можно возблагодарить за любовь? Когда имеешь в виду те или иные блага, тогда, любя, благодаришь Дарящего, но когда благодаришь за любовь, то душа горит любовию к Дарящему и к Даруемому и изнемогает от любви. Но Ты Сам, Господи, даешь силы и ум любить Тебя и благодарить Тебя и ведети благодеяния Твои. И Ты даешь силу и ум любить даруемых Тобою, ибо Тобою мы любим, Ты -любовь и Ты во всяком дыхании любви, во всяком выхождении из себя черствого человеческого сердца. О, Господи, за все, за все славлю Тя, но наипаче славлю за любовь, которую даешь Ты.

21.X/3.XI.1924

Не введи нас во искушение. Господь научил нас об этом молиться, потому что мы живем среди искушений, непрестанно подвергаемся их опасности. Бывает — и, по свидетельству мужей бого-мудрых, особенно часто, — что искушения пора-

жают своей неожиданностью, приходят непосредственно после благодатных озарений и особливой умягченности сердца. И вдруг в него врывается какой-то бесовский вихрь, который все сметает, и изнемогающий в искушении человек бессильно вопрошает: что со мной? И — учат отцы — если имеешь особую радость и благодать, *жди* искушения. Не дремлет враг человеческого рода, с завистью смотрит он на духовный плод, рождающийся в душе, и ищет сорвать и растоптать молодую завязь, оплевать и очернить прекрасный цвет души. И всегда он жаждет зла; но отстраняется и не допускается до человека ангелом-хранителем, но бывает, словно отстраняется эта охрана, и тогда горе тебе, бессильный и беззащитный человек; как Иова будет он поражать проказой не только тело твое, но и душу, и ты будешь с изумлением вопиять на гноище. Отчего и почему сие? Мы не ведаем тайн промышления Божия, но можем познавать по плодам искушений их сокровенный смысл. Если надлежит быть искушениям, ибо неискушаемый неискусен, немудр, то надлежит им совершаться тогда, когда человек более подготовлен, одарен для принятия, — вот почему и дары Божии так часто предшествуют искушению. А затем искушения вразумляют и смиряют: как легко, как незаметно отдается сердце самообольщению духовному, дар Божией милости и благодати принимает за свою

силу и за свое право, укрепляющую благодать обращает в услаждение, впадает в сластолюбие духовное и на дне его таящуюся гордость. Но когда зрит себя во рве греха, в блевотине искушений, он видит и чувствует и свое ничтожество, и греховность, и безмерность милости Божией, и ведущую нас десницу Божию. И тогда он с новой радостью и новой благодарностью возвращается к жизни и приемлет ее дары. Только учись, чело-вече, от искушений, ибо всякое искушение*повторяющееся* оставляет все новый и новый рубец на сердце, его сморщивает и сокращает...

24.X/6.XI.1924

Пережитое искушение, несмотря на грех, приближает к Богу и умягчает сердце к людям, оно выводит из недолжной уравновешенности, которую подстерегает самодовольство и фарисейская гордость. Надо стяжать мирный дух, но мирный дух есть другое, чем уравновешенность, которая есть только отсутствие неблагополучия и искушений. Всегда остается вопрос: отчего же Господь допускал до Себя блудницу и грешников,

грязных мытарей и даже бесноватых? Не за блуд их и не за грязную стяжательность и не за одержимость. Но все эти люди пережили низвергну-

63

тость из своего уровня, они потеряли себя и испытали муку стыда и как бы смерти. И если бы они отчаялись и впали в уныние или если бы ожесточились и погрязли во грехе, тогда погибли бы. Но они встали и с раненым и разбитым сердцем пришли к Источнику благости... Они смотрели тогда на людей не с высоты, но снизу вверх, и в сердцах их было невольное снисхождение и милосердие. Грех, опыт падения и покаяния умягчил их сердце, сделал милостивым... О глубина богатства и премудрости и разума Божия. Всех заключил в непослушание, дабы всех помиловать. Только на высоте духовного подвига праведник зрит себя величайшим грешником, и не ожесточается надмением сердце его. Священнику-духовнику дается благодать не соблазняться грехами, которые ему открываются, он видит и знает людей как больных и слабых, плененных существ и только больше милосердует о них. В них он видит и свою собственную греховную душу и скорбит о ней. Священник должен быть непреклонен, как закон правды Божией, и снисходителен и милосерд, как Тот, Кто дозволял окружать Себя мытарями и грешниками. Горе иерею, попускающему грехи, ибо он сам за них отвечает, но еще большее горе ему, если немилостиво устранит, ожесточит, замучает он человеческое сердце. Искушения окружают человека, одни — от его греховного существа, другие — от Божьего

64

попущения, как праведного Иова дано было искушать сатане. Есть одно самое трудное и опасное искушение — искушение в любви. Грех в любви и против любви к ближнему, к другу — от гордости, от скрытого самолюбия и себялюбия, облекающийся в личину и ранящий сердце. Самый тяжелый грех — ранить любимое и любящее сердце. Но если ты впал и в это искушение, принеси плод покаяния, научись по-новому, с новой силой любить, любить любовь, любить любимого, благоговеть перед таинством любви...

25.X/7.XI.1924

Преподобный отче Сергие, моли Бога о нас! Ведет и хранит народ свой угодник Божий, и живет в нас сила его побеждающая. Какая это сила? Обедневший боярский сын, безвестный отшельник, ничем не славный и не знаменитый. Эта сила —

любовь ко Христу беззаветная, самоотвергающаяся любовь ко кресту Его, ни перед чем не останавливающаяся сила духа, к которой мы не можем даже и мыслью вознестись, как к белоснежной вершине Казбека. Все превозмогла эта любовь, не только все человеческие свойства и слабости, но, кажется, и самую природу. Кто может приблизиться мыслью к этому уединению двух-

летнему в дремучем лесу, этой смерти заживо, в себе соединяющей все образы креста: и от одиночества, и от слабости, и от зверей, и от стужи, и от голода? Кто может? Но молчаливый ответ о том, что там было, был храм во имя св. Живоначаль-ной Троицы; Преподобный Сергий ведал там, в пустыни, тайну Пресв. Троицы, Любви-Бога. И он же уведал и тайну Матери Божией, Духа Святого. Ему являлась она с обоими первоверховными апостолами, Петром и Иоанном. Господь воздвигает себе мужа в час потребный. И ныне он с нами, помогает, руководит, учит терпению и упованию, научает прозревать в пустыне грядущую лавру Живоначальной Троицы. Как дивно это таинство любви к Богу и любви в Боге, как оно всемогуще! Преп. Сергий снова днесь изшел на труд спасения родины от татарского лихолетия, с нами рубит он и носит тяжелые бревна, с нами строит он храм Софии, Премудрости Божией.

26.X/8.XI.1924

Самая большая и трудная победа над собой — *простить* обиду и онеправдование, и особливо не себе самому, что еще легко, но другому, любимому и чтимому. *Блаженны кротции:* обида свинцом лежит на сердце, она застилает очи духовные,

она мешает молитве, она воздух делает тяжелым и непрозрачным. *Претерпи,* претерпи, человече, час искушений, прикрой главу твою куколем и пребудь уединен в слезах и молитве в клети сердца твоего, в келии твоего духа, пока милосердный Господь не пошлет тебе блаженства кротости и радость прощения и примирения и не восставит тебя. Терпением спасайте души ваши. Господь посылает испытания терпения. Этот камень, который лежит на дороге, о который запнулись усталые ноги твои, — ты хочешь его вырыть и выбросить, а он тебе нужен, ибо слабые ноги могут ходить только по ровным путям, а тебе надлежит идти путем стропотным. Борись и молись, не давай овладеть сердцем твоим чувствам мелким, низким, недобрым.

Взирай на образ Терпения и Злострадания Христа Спасителя и у Него научайся любви-терпению. Ибо воистину любовь есть терпение, и нет любви без терпения, как нет и терпения (истинного) без любви. Терпение есть испытание любви, мера терпения есть мера любви, нетерпеливый мало любит. И терпением воспитаешь и обидящего тебя, может быть, по добрым, хотя и неверным причинам, ему поможешь, его спасаешь. А нетерпением, обидой вместе с собой и его повлечешь в ров погибельный. Борись, не давай себя одолевать низким чувствам, взывай о помощи Господу твоему...

67

28.X/10.XI.1924

После молитв Господь чрез ангела-хранителя полагает слово Свое на сердце, и чем горячее и смиреннее была молитва, тем властнее и яснее звучит это внутреннее слово. Мы ищем чудес и знамений и не видим того ежечасного чуда, которое непрестанно совершается в сокровенности сердца. И этот голос ангела-хранителя, если ему внимаем достойно, дает ответ и на наши трудности и вопрошания и предваряет относительно тех искушений и задач, которые ждут нас в течение предстоящего дня. И ныне опять говорит мне Господь: блаженны кротции, ибо они наследят землю. О святая госпожа кротость, мудрость мудростей и победа побед! Как ты далека греховному сердцу и как нуждается оно в твоем упокоении. Поистине нет упокоения без кротости, при ней же нет обид, нет ожесточения, нет мстительности. Кротость все побеждает и наследует землю. Господь, кроткий и смиренный сердцем, стоял среди своих мучителей, дышавших сатанинской злобой, и ни в чем не была побеждена Его кротость, ни одно некроткое слово не изошло из Пречистых уст Его. И в этом и заключается Его победа над Его врагами, и в этом оказался побежден князь мира сего, который приступил к Нему с новыми искушениями и, не обольстив Его своими призрачными дарами, попытался победить

68

испытаниями. Посему и кроткие наследуют землю, им принадлежит она, эта земля, их силе, их смиренномудрию сынов Божиих, возложивших на себя иго благое Сына Божия. Но как трудно дается этот дар жестокому и греховному сердцу. Можно овладеть поступком и словом, а сердце некротко, сердце ярится и гневается. В сердце нашем греховном гнездится змий себялюбия и гордости, себявидения, собоюлюбования. Но не давай этому сердцу воли, отсекай его приражения, нуди его беспощадно, и

Господь милосердый, видя труд твой и слезы твои, даст тебе благодать кротости Своей. Проси у Бога кротости.

29.X/11.XI.1924

Мы молимся и взываем к ангелу-хранителю. Он — друг наш, данный нам Богом, но как бледно и слабо чувствует сердце наше этого друга, как мало благодарит и мало любит! Если бы отверсты были очи наши, мы непрестанно видели бы его, «хранителя душ и телес наших». Мы уразумевали бы, как в тех случаях, когда мы неожиданно, каким-то стечением обстоятельств, спасались от лютых бед и напастей, то спасал он нас, светлый хранитель наш. И когда на сердце приходило доброе слово и добрая мысль, это он,

друг наш, вселял в нас эту мысль. Наша вся жизнь представилась бы нам не так — одиноко и угрюмо, — как мы ее видим, но как жизнь вдвоем, с любящим, заботливым другом. Да, ангел-хранитель приставлен к нам Богом, но он не приставник, а друг, он *любит* нас, мы любимы им. Вот почему, по верованию благочестивому Церкви, ангел «плачет», когда мы грешим или гибнем, и он борется за нас и вместе с нами против искушающих нас духов, но только в мире духовном. Мысль об этом дивном друге возьми из наших человеческих чувств и отношений: почему мы самого любимого, самого верного друга, жену, брата, сестру невольно называем своим ангелом-хранителем, чтобы выразить свою любовь к ним и их любовь к нам? Это потому, что здесь просвечивает, прорывается эта небесная любовь, небесная дружба. Она открывается нам в час смерти и за ее порогом. Это будет одна из тех неожиданных и великих радостей духовных, которые ждут нас за порогом этого мира, но это же будет и источником новых и невыносимых скорбей и позднего раскаяния, если мы увидим в скорби уходящего от нас друга... Как нам открыть сердце свое ангелу-хранителю, как приблизиться к нему? Молитвой к нему, мыслью о нем, стремлением к нему, особым внутренним вниманием к тому едва слышному шепоту, который раздается в нашем сердце во время молитвы и после нее, в часы бла-

гих ее осенений. Ведь он — наш «добрый наставник», он ведет нас зряче, а мы идем слепо, ибо не знаем окружающего нас мира духовных существ, ибо не знаем начала и конца пути. Будь же внимателен, внемли сокровенному шепоту души твоей, то — голос ангела-хранителя твоего.

31.X/13.XI.1924

Дне сего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим — так молится настойчиво и непрестанно св. Церковь — освятить и облаго-датствовать сей новый день жизни. Новый день открывается пред нами и как пустота, и как возможность, и как надежда, и как опасность — как неведомость. В этот день может совершиться решительный поворот в нашей жизни — в любой день он может совершиться. Не говоря о том, что в любой день может прерваться наша собственная жизнь, можем потерять близких и любимых, но можем нечто совершить или не совершить, можем глубоко и греховно пасть. А желать для этого начинающегося дня мы должны не того, чтоб он был счастлив, весел и приятен, но чтобы он был мирен — мир Господень не оставлял сердца нашего, а с ним мирно было бы и все нас окружающее; чтобы он был безгрешен — о, каждое

наше дыхание греховно, и не можем мы даже помышлять о совершенной безгрешности, но есть тяжкие смертные грехи, которые убивают душу, и от них сохраниться просим мы в этот день, ведь каждый день, проведенный нами без таких грехов, есть лепесток в цвете нашей жизни; чтобы день сей был свят: мы не можем почитать себя святыми, но мы ничего не должны хотеть, кроме святости. И для каждого дня только того и можно желать, чтобы он был свят. Слова этой молитвы звучат для всех людей, во всех положениях. Они звучат отвлеченно, пока не захочешь приблизить их к своему сердцу и вслушаться, что они говорят тебе самому. Ты знаешь, что делает немирным дух твой и что искушает покой твой: победи в себе это приражение, отринь, тогда это будет значить, что в сердце твоем, а не в устах лишь, прозвучала твоя молитва и что ты подлинно хочешь того, о чем молишься. И ты знаешь, какое искушение греха тебя сейчас наиболее мучает, и если мерзок станет тебе грех твой, если отринешь его в воле своей, значит до сердца дошла твоя молитва. Не могу ничего совершить со своей немощной греховной плотью, но все могу о укрепляющем меня Господе Иисусе.

1/14.XI.1924

Друг друга тяготы носите. Как часто бывает, что, видя заблуждение или слабость брата своего, высокомеришься пред ним, его осуждаешь, но скорбишь в сердце о его неразумии. А между тем, если ты действительно видишь, то ты должен принять это и на свою совесть. Виденная неправда ближнего твоего есть и

твоя собственная неправда, если ты не озабочен в сердце своем ее побороть, и она спросится с тебя на Страшном суде, как твоя собственная неправда. Надо иметь сердце милующее, надо болеть, а не осуждать. Отчего у нас так бессильны все попытки братотворения? Отчего посрамляем мы святое православие раздорами? Оттого, что не имеем сердца милующего. Не будь холоден к лжи и заблуждению, будь горяч и мужествен в истине, но умей любить человека, ею объятого. Как же — надо любить и злодеев, терзающих родину? Не надо любить их злодейства, но надо жалеть злодеев. Предай их суду Божию, но храни сердце свое от ненависти, ибо чрез ненависть побеждает нас враг наш. Или ты думаешь, что Бог не может послать легионы ангелов против них и уничтожить их? Но если долготерпит Господь, долготерпи и ты. Не значит это, что не нужно бороться со злом всеми доступными тебе способами, но надо бороться с ним прежде всего в своем собственном сердце. Гос-

подь долготерпелив, будьте и вы, как Отец Небесный.

2/15.XI.1924

Доколе, Господи, доколе гневаешься на землю русскую? Почто оставил ее на поругание и развращение? Почто терпиши сатанинскую власть безбожников? Ты знаешь немощь естества, Ты знаешь, что силы терпения человеческого ограниченны. Зачем же даешь искушаться сверх меры возможности, зачем допускаешь до неизбежного падения? Весь народ, все дети его лишены веры, их души растлеваются с нежного возраста, они становятся зверенышами. Но разве они виновны? Это — смерть, смерть при жизни, которая в тысячу раз хуже настоящей смерти. Ведь Ты всемогущ, по мановению воли Твоей сокрушаются нечестивцы, но Ты терпишь их. Навуходоносор был жезл железный, который сокрушил жес-токовыйный народ, и мы, отцы, приняли этот жезл железный, но это царство смерти, в которое, однако, рождаются дети, Тобой посылаемые... в ад земной. О, Господи, Господи, прости мне вопли сердца моего. Я знаю, чего Ты*от меня* хочешь: Ты хочешь искреннего покаяния, настоящих слез и горя о родине, которую мы преступ-

но забываем. Ты хочешь настоящей слезной молитвы о спасении России, и молитва всегда бывает услышана, а пока не дали мы этой молитвы, суетны, неискренни, холодны и наши вопроша-ния. Ты благ и всемогущ, твори волю Твою.

4/17.XI.1924

О свышнем мире... Господи, пошли нам свышний мир Твой. Нет нам ничего выше и нужнее свышнего мира, но как трудно он обретается. Стяжи мирный дух, и тысячи около тебя спасутся, говорил преп. Серафим, но стяжается он только подвигом всей жизни. Вечно мятется душа наша, обступают ее тревоги, вопрошания, заботы. Вечно душа ослеплена каким-нибудь переживанием, пленена им, несвободна, а душа должна быть свободна, как птица, она должна принадлежать только Богу, и никому на земле: все ей должно принадлежать, все она должна любить, но сама она обращена только к Богу. И от Него и из Него свышний мир. Это не бесчувствие к миру и людям, это не холодность, это какое-то равновесие, мера духа во всем, даже и в самой любви, это свобода от всяких id%ee-fixe'ов, которыми мы всегда одержимы. И когда бывает эта свобода, когда душа ничем не затемненно обращается к

75

Богу, в ней и тишина, и мир, и свет. Но когда ею владеет какая-либо частная сила — мысль, чувство, даже любовь к человеку, душа пленяется и мятется, теряет себя, а вместе теряет и того, кого она любит. Ибо безгреховно дано любить и человека только в Боге и с Богом, чтобы ничто твар-ное не заслоняло от нас Божества. И если нет мира в душе твоей, значит, не все у тебя на месте: проверь себя, проверь свои отношения к людям, и найдешь, что тобою владеет или страсть, или мелкое чувство, но *владеет* душой твоей, которой владеть должен Господь, которая Ему только должна принадлежать. И когда человек немирен, в нем все неверно, все ненормально, все страстно. Тогда ни люди, ни он сам не могут верить ни одному его свидетельству или совету. И если немирен дух твой, собери все силы души своей и поставь себя как бы на суд пред всемогущим и всеведущим Богом. Воззри сам на себя оком вечности, постарайся сам себя увидеть не из себя, себя познать не в пристрастии. И поможет тебе Господь и пошлет тебе свышний мир Свой, которого жаждет душа твоя. Господи, пошли мир Твой!

76

7/20.XI.1924

Возложи печаль твою на Господа! Если в жизни твоей образуется положение неисходное, если неумолимая судьба ведет тебя помимо твоей воли и ведома — ведет внутренне и внешне, — молю тебя, брате, и молю себя, окаянного, — не отрывайся от Господа, крепко держи руку Его, веруй, что никогда не оставляет и не оставит Он тебя, и мнимая безысходность есть вразумление

и испытание. У Бога и для Бога нет трудностей безысходных, и все есть дело благости и любви Его. Вооружись терпением, готовностью и желанием претерпеть от Господа и для Господа всякую муку, какую Ему угодно будет послать. Внемли себе. Старайся различить, что в трудности Твоей принадлежит тебе и греху твоему, — постарайся искоренить, омыть покаянием, — и что не принадлежит твоей воле, что есть твоя судьба, как воля Божия о тебе. И что самое важное в нашей жизни — людские встречи, человеческие сердца, которые распаляются любовию не по воле и не по силе своей, это есть божественная судьба человека, которому дано Богом любить и быть любимым на земле и страдать ради любви. Страдание может быть различно: болезнь, утрата, разлука, неровности, но всегда любовь, дающая высшие, единственные радости, окупается страданием, и не ропщи на это страдание, если можно, люби его

77

как любовь свою, только страданием приобретаешь ты право несебялюбивой, несамоуслаждаю-щейся, но подлинной жертвенной любви. Божия Матерь сама соединяет сердца человеческие у избранных Своих. Она их хранит и осеняет Своим Покровом. И зри на Нее. Какова была *Ее* любовь к Сыну Своему? Была ли эта чистейшая и высшая любовь любовью радости и услаждения? Посему малодушие, ропот, уныние есть грех против любви, есть отвержение примера Матери Божией. И «не пецытеся убо на утрей» — в дни мнимой безысходности. Господь чудесно снимает тяжесть с сердца, дает исходы, милует и спасает. Благодарите Господа за дары Его, наипаче же за превеликий дар любви, который дал Он созданиям Своим, ибо без этого дара, под трудностью и тяжестью которого иногда стонем мы и жалуемся, была бы пуста и мертва вся наша жизнь. И если кто поистине достоин нашего участия и сожаления, это тот, кто скуден любовию, кому некого любить, кто мало любит. О Господи, триипостасный Бог, единица в Троице, Бог-Любовь! Ты создал нас по образу Своему, и сила и сердце этого образа в даре любви, по образу триипостасной любви Твоей. Здесь образ Твой и здесь Твое подобие. Научи нас *достойной* любви, чистой, жертвенной, несвоевольной, пламенеющей. Зажги сердца огнем Твоим!

78

8/21.XI.1924

День арх. Михаила и прочих сил бесплотных. Св. ангелы бдят над человеческим родом, они борются за него, война идет не только на земле, но и на небе. А мы малодушествуем, унываем,

недоумеваем, приходим в отчаяние от своего бессилия, когда мы имеем небесную помощь. Ангел являлся Сыну Человеческому отирать капли кровавого пота в Гефсимании, и ныне страждущему человечеству отираются незримо его кровавые капли. Родина изнемогает, она умирает духовно, она смердит, как четвородневный Лазарь в гробе своем. Но неужели ты думаешь, что у Бога не найдется легиона ангелов сокрушить нечестивцев? и даже по естественному рассуждению не может наступить такое стечение обстоятельств, при котором рухнет власть безбожная? И однако, вопреки всему, власть эта держится и как будто укрепляется, так что дивятся народы: кто подобен зверю сему? Значит, есть на это попущение Божие, значит это орудие гнева Божия и средство в путях Божьих. Если страшно, чудовищно, непонятно, то подумай, разве более понятно, что Господа на земле окружали бесноватые, в которых жили и которых сотрясали бесы; и некоторых Он исцелял, однако нигде не сказано, что всех. И разве более понятна бесноватость одного человека, чем бесноватость целого народа? Но

когда малодушествуешь, — и неизбежно всякому малодушествовать по греховной человеческой слабости нашей, — помни, что есть воинства небесные, нам помогающие, что у Господа сил есть силы, и смущающее нас зло попускается в неведомых нам целях. Проси у Бога веры и терпения. Проси у Бога ангела-хранителя душ и телес наших. Знай, что без его помощи и без его охраны мы были бы в клочки растерзаны демонами телом и душой, — безумие бесноватых и советская власть только частичные примеры того, что хотят сделать с нами демоны из ненависти к Богу, из ненависти к Божьему творению, из ненависти к человеку. Пред нами бы раскрылся мир темных сил, который мы по легкомыслию иногда домогаемся видеть, на нас напали бы всевозможные болезни, мы не прожили бы ни одного часа, если бы не имели ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес. Ведь говорит апостол, что диавол, как зверь рыкающий, ищет, кого поглотить. И разве своими силами можем мы устоять пред ним, если бы не непрестанная охрана ангела-хранителя.

11/24.XI.1924

При получении вестей о бедах и обстояниях близких твоих думай, как взыскан ты Богом и как недостоин милостей Его. Как мало любит твое сердце и как малозаботливо оно о близких. А

ведь одно мгновение — и твоя судьба окажется не лучше их, и ты только непонятной милостью Провидения спасен от бед. Будь с ними, не закрывай своего сердца для непрестанной памяти, и тогда неизбежно протянется рука твоя с помощью. Пред лицом этих избранников, которые распинаются ныне на русском кресте, как смущается душа твоя, что ты не с ними. Но не должно быть места и смущению, если такова воля Божия. Нам не дано избирать себе жребия и с благодарностью надлежит принимать всякий. Только помнить, только помнить, что они страждут, когда ты благоденствуешь, и делать для них все, что в силах. И остальное вверить Господу. Неужели ты думаешь, что Господь не властен истребить безбожную власть в один день или спасти рабов Своих, взывающих к нему день и ночь? Но как в Гефсиманию не послано было легионов ангелов, чтобы защитить Сына Человеческого, и Он остался беззащитным на мучения, так и ныне дол-готерпит Господь — из *любви* к миру и человечеству. Но не ведаем путей Божиих и не ведаем и путей этой любви. Разве ведали разбежавшиеся и

81

отчаявшиеся ученики, что пред ними происходит спасение мира? И ныне хотя и непостижим для нас смысл русского разорения, но верим, что любовь Божия попускает это для нашего общего спасения. Лишь бы не оледенело сердце твое, лишь бы не уснул ты перед пришествием жениха. Бдите и молитеся, да не впадете в искушение. И помни, помни о страждущих за тебя, молись о них непрестанно, пекись о них, как можешь.

12/25.XI.1924

Из глубины воззвах к тебе, Господи! Как налетает искушение! словно вихрь при ясной погоде, в мире и ясности сердца вдруг лукавый дух поднимает бурю искушения, и все теряет вкус, кажется омертвевшим и устрашающим! Словно демон наставил свои мрачные стекла, и омрачился мир, словно перед грозой. Отрей эту бурю и эту мрачность — смирением, терпением, молитвой и слезами. Претерпи любовию, прощением, состраданием. Не отдавайся одолевающим тебя горестным предчувствиям, ибо все творится по воле Божией и у тебя должно быть одно только предчувствие — воли Божией, совершающейся о тебе и близких. Помни недавние часы света, и радости, которые послал тебе Господь, и о всем и за все благодари.

82

16/29.XI.1924

Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя, Господь прибежище и

*утверждение мое!*Какая сила и какая крепость в этих словах, в этих мыслях и чувствах, если только краем сердца коснуться и принять в него эту силу. И крепость в гнетущей слабости, в изнемогающем бессилии моем, и прибежище в безысходности и в вечных шатаниях души моей, и утверждение в колеблемости моей. Господь — близ. Он в устах твоих, произносящих со страхом и благоговением Имя Божие. Ты сам — храм Божий, твое сердце — престол Его, грудь твоя — алтарь Его, на котором литургисал мученик Лукиан. Так все близко, внутрь, только встань, протяни руки свои, обрати лицо твое. Но всегда гнетет чувство тяжести, бессилия, удаления от Бога. Кажется тогда, что не ты далек от Бога, но Бог далек от мира, и неверие нечувствительно закрадывается в душу, наполняет ее своим холодом, каким-то ледяным одиночеством. Холод и лед сердца вдали от Солнца. Обратись же к Нему, держись края ризы Его рукой твоей, изнемогай, но желай Его любить больше себя, больше жизни своей, больше самого дорогого тебе, все, все будь готов отдать ради любви к Богу. И в сердце твоем загорится ответный огонь, растает лед, глаза увлажнятся слезой, сердце загорится и затрепещет, оно почует небесную близость. И

вновь обретешь ты дорогих и любимых, и мир загорится в красе своей, и мрак души твоей сменится светом радости, и вся душа твоя в блаженном изнеможении двинется в руки Господа. О Сладчайший Иисусе, Женише души моей, радость вечная, гряди в чертог души моей, будь со мною, вечеряй у меня, не оставь меня. Тебя зову, Тебя люблю, Тебе молюсь, Иисусе, мой Господи!

16/29.XI.1924

Господи, огради нас от сряща и беса полуденного. Как страшен недуг безумия и как непонятен нашему уму, как недоступна нашему взору та дверь, через которую входят в душу злые духи и овладевают ею, мучают ее, искажают, и она как бы умирает до смерти, а ее силами владеет демон. Как разделяется в себе душа единая, нераздельная и вечная? Как образ Божий становится седалищем сил сатанинских? И это не по достоинству, и не по недостоинству, но по причинам для нас сокровенным: кто согрешил, он или родители его? И каждый спрашивает: не я ли, Господи? И пугливо жмется в сторону, боясь, что нелицеприятный голос ответит: да, ты! Вот и я, иерей недостойный, вопрошаю днесь моего Господа: не я ли, многогрешный, явился, волей или неволей, при-

чиной того, что страдает в России дочь моя духовная, как свеча горевшая пред Господом и утешавшая меня самым бытием своим? И ныне подвижница эта омрачена душою? В сих случаях неведение это не надо пытаться понять напряжением горделивого ума, ибо бессилен ум. Сердцем сокрушенным и смиренным, терпением и молитвою надо приникать к судьбам Божиим, не откроет ли Господь воли Своей? И молиться, молиться с верою... Господи, Ты изгонял бесов и исцелял страждущих, когда жил с ними на земле, помилуй и ныне рабу Твою страждущую. Ты все можешь, если хочешь, и посему да будет воля Твоя! И дай мне, грешному, преискреннее покаяние и молитву о ней. Пусть каждый из нас не превозносится, но знает, что всегда он может стать жертвою насилия демонского, и только ангел-хранитель своим щитом ограждает от сего.

18.XI/1.XII.1924

Стяжи мирный дух, и тысячи около тебя спа-суются. Так рек блаженный старец Серафим. И воистину так: тщетен ум, ученость, сила, если нет пребывающего мира в душе, если гладь ее непрестанно бороздится волнами страстей и волнений, если душа непрестанно утомляется от них и изне-

могает. Обновится, яко орля, юность твоя. И действительно обновляется юность наша, но лишь когда вкушает мир. Молодость не юность; она всегда бороздится страстями и волнениями, и эта молодость, как тяжкое наследие, может сопровождать нас и в более поздние возрасты. Ей могут даже радоваться люди века сего и стремиться к ней, но надо от нее освобождаться ради юности, ради вкушения мира. Мир послал Господь ученикам своим, вместе с Духом Своим, мир Свой оставил Он как высший дар Своим ученикам. И если немирен, если мятешься в душе своей, значит — не с Ним, значит, «легион» тебя обуревает. И потеря мира всегда кажется достаточно оправдана: то та или другая вина людей против тебя, то какое-нибудь событие возмутило душу твою, но ты знаешь, что она не должна была возмутиться, что это тяжкий грех твой, который отдалил тебя от Спасителя. Камень на сердце, темная рука сжимает его, ты мечешься днем и в нощи, и демон все нашептывает и повторяет злые слова обиды, раздражения, и ты в *плену,* не хочешь этого и не можешь от этого освободиться. О несчастный, одержимый бесом! Как бы ни был ты прав маленькой своей правдой, но эта одержимость, эта злоба тебя обличают. Ты отвергнул, утерял мир Христов, Христа отвергнулся. Стяже-вай мир борьбой с собой, покаянием, сердечными слезами. Проси

прощения у Бога, у того, пред
86

кем ты злобствовал, у ангела-хранителя своего. Пока нет у тебя мира, сам ты погибаешь и других влечешь за собой к погибели.

19.XI/2.XII.1924

Чудо преп. Сергия! Как некогда, когда братия страдала гладом и не имела хлеба, унывая, тогда неизвестный боголюбец по молитве преподобного, соблюдавшего веру тверду и надежду неиз-менну, привез целый воз хлеба, так и в дни наши, когда, казалось, доброе начинание изнемогло от бедности, явился неизвестный и предложил помощь. Совершенно несущественна разница времени, места и предмета, то что одно было в глухом северном бору, а это в Париже, то — для поддержания тела, это — для образования, но тот же преподобный Сергий и та же его помощь и молитва. О дивный угодник Божий, ты всегда тот же, и ты бдишь над родиной нашей и над всеми любящими имя твое. И если происходят там беды и напасти над носителями и чтителями имени твоего, то и это ты ведаешь и молитвенно хранишь их и ведешь, юных и старых, иереев и мирян, к почести высшего звания. Как поднимается наша вера при этом зрелище явного чуда, как должны мы внимать учению святой Церкви, что
87

святые всегда с нами, вспомоществуют и хранят нас. Если бы только умели мы сохранить в сердце это зерно, чтобы проросло оно и не было затоптано. Увы! Спешим в каком-то бессмысленном беге, в погоне за новыми впечатлениями, не оглядываясь и не останавливаясь. Нет, преклони колена сердца твоего, обмысли совершившееся, каково это знамение для родины нашей, для тебя —о темной жизни твоей, для всех близких и любимых. Ты не оставлен, не оставлены и они. Бдят ангелы-хранители, бдят угодники Божии, пусть только бдит молитвой, любовью и верой сердце твое.

22.XI/5.XII.1924

Вхождение во храм пресвятой Девы было Ее посвящением, высшим посвящением, какое есть для человека, ибо первосвященник ввел Ее туда, куда он мог входить только сам, во Святая Святых. Пресвятая Дева приняла сим власть и честь, свойственную первосвященству ветхозаветному, а за сим, в небесной славе Своей, и первосвященство новозаветное, хотя и в ином, неустанови-тельном смысле, как Сын Ее — Архиерей вовек по чину Мельхиседекову. Но и Она носит омофор, которым

осеняет народ Свой, согласно ви-

д%ению блаж. Андрея о Покрове Божией Матери. Но для Нее, тогда уже трехлетней юницы, это посвящение было, как оно всегда бывает и должно быть, смертью души, самозакланием Богу. Она уже отдалена от семьи, оторвана от родительских объятий, и Ее восхождение по ступеням храма Иерусалимского вело непосредственно и непрерывно чрез все скорби и подвиги к Голгофе, к стоянию у креста, к мечу в сердце, к жизни, состоящей из непрестанного ряда жертв. И всех, идущих Ее путем, зовет Она к этому посвящению. Жизнь наша есть и должна быть непрестанное посвящение, в котором торжественные акты посвящения знаменуют лишь определенные его грани. Жизнь должна быть непрестанным умиранием и отмиранием для Господа. Мы замечаем, что у нас теряется вкус и любовь к тем или другим благам мира, и с другой стороны, мы хотим его терять ради Господа. И мы замечаем, что и жизнь наша представляет, вернее должна представлять, ряд мелких или крупных жертв для Господа, и только в этом ее смысл и оправдание, и источник мира душевного. Сожалеть ли о тех, кому Господь посылает жизнь подвигов, скорбей и испытаний, как сожалеем мы их человеческим чувством, особенно сравнивая их дело с нашим сравнительным благополучием? Или же, напротив, они — избранники Божии, и кого Бог любит, тому посылает этот путь крестный? Мы скорбим

и не можем не скорбеть о мучениках в России, но не они ли избраны Господом и приближены к Нему? И не говорил ли в нашем сердце скорее испуг, что потревожен будет наш покой, нежели искренняя ревность о Господе? Надо возгревать в сердце своем волю к высшему посвящению, готовность к жертве, умиранию для Господа, а это не будет, пока сердце наше вяло, робко и хладно. Кто близ Меня, тот близ огня, и совершенная любовь изгоняет страх...

23.XI/6.XII.1924

Вся премудростию сотворил еси. Прекрасен Твой мир, Господи, и все прекрасно в нем. И — странно сказать мне это — прекрасно и мое тленное естество, прекрасно, ибо Ты его сотворил. Сколь много малодушествуем мы о своей греховности, которая заслоняет пред нами от нас же самих наш истинный образ. Сатана — клеветник, и он клевещет и в нас, и о нас на создание Божие, он вселяет растерянность и малодушие, а за ними входят в душу малодушие и леность. Мы теряем себя, мы

отказываемся вести борьбу с собой за себя самих, а Бог, все создавший премудростью, ею же создал и каждого из нас. Премудрость Бо-жия была художницей пред Ним, и она художест-

венно образовала и наш образ, который и мы должны образовать духовным художеством. Не отвращайся от труда своего, ибо все от Господа, и дар твой от Господа и труд твой для Него. Будь ответствен пред даром жизни твоей и пред даром этого мира. Не дай войти в сердце искушению миром Божиим под предлогом греховного его состояния. Если ты обнажился жизни своей здесь, то нагой предстанешь и в будущем веке. Посему проклят всяк, творящий дело Господне с небрежением, а дело жизни нашей есть дело Божие, и Господь всем вверил свои таланты и со всех спросит жатву его.

25.XI/8.XII.1924

Когда предстоит перемена места, путешествие, душа испытывает какое-то особенное волнение и словно что предвкушает или вспоминает. Каждый переезд есть символ нашего странничества в этом мире и напоминает о том последнем совлечении, последнем путешествии, которое нам всем предстоит. И душа исполняется неизъяснимого волнения, тревожного, вместе и сладостного. Господь говорит о Себе: Я — Путь. Это значит, конечно, путь жизни, но путь. Он Сам есть Путь. В Нем и с Ним нет неподвижности, но

вечное восхождение, совлечение и облечение. Вочеловечившись, Он Сам прошел путь и тем стал Путем, прошел чрез врата рождения и врата смерти. Там, за вратами смерти, прекращается для нашего теперешнего взора путь, но это только для нашего взора, ибо и там жизнь, там восхождение от славы в славу, и там путь — к вечной жизни. Только Господь есть Путь, но не имеет пути, ибо вечен. Но в человечестве Своем, нераздельно и неслиянно соединившимся с Его Божеством, Он возвел его к вечному пути — бесконечного восхождения и погружения в океан вечной жизни. Нет застоя, нет неподвижности в тварной жизни, к вечности — бесконечный путь. И этот путь есть радость и блаженство и утешение, это есть сила будущего века. А в сем веке это есть подвиг и сила подвига. Апостольство не имеет пребывающего места, апостол в жизни должен переходить из града в град, а это есть служение, самое близкое ко Христу. И Сам Господь всю жизнь переходил из града в град, не имея не только дома, но и лисьей «язвины». А нашей слабости так трудно и

болезненно отрываться от места, так легко и охотно мы к нему прирастаем и обмещаниваемся. И не есть ли особая милость Божия — дать нам чувство Божией земли и Божьего мира — оторвав нас от нашей скорлупы, от насиженных мест и бросив в рассеяние. Дорог%а и прекрасна земля обетованная — родина, но и

весь мир есть Божия земля, родина сынов Божи-их. Не прирастай к месту, всякого места для тебя мало, всякое место твое, в тебе сила пути, Господь твой — Путь и Истина и Жизнь...

26.XI/9.XII.1924

И власы ваши на главе изочтены суть. Верь этому крепко и неизменно, верь не только о себе, но и близких любимых твоих, тех, жизнь которых и благо тебе дороже (или кажутся дороже) своей собственной. Оставляя их, разлучаясь с ними, вверяй их и себя Господу, Который держит в руке Своей все творение, Которым живем и движемся и есьмы. Какая твердость и какая радость в мысли, что каждый день жизни, каждую ее улыбку и каждую ее слезу посылает Он и Он Сам блюдет и хранит Свое творение. Ты любишь своих дорогих, ты щитом своей любви и молитвы хочешь их защитить и оградить, твоя любовь бдит над ними, но подумай, что раньше тебя и больше тебя, мудрее тебя бдит и хранит их любовь Божия. И если ты любишь Бога, если своих дорогих любишь с Богом и в Боге, ты знаешь это сердцем. Каждое твое дыхание исполнено радости о Боге, и то, что должно щемить человеческое сердце грустью и тревогой, становится лишь но-

вым праздником любви Божией. Тягостна, мучительна разлука с любимыми, но в Боге нет и разлуки. В Боге все вечно есть, и любовь вечна, неотъемлема и неразлучна, и краткие мгновения страданий любви тонут в океане, в веках веков торжествующей любви. Когда Господь прощался с учениками на Тайной вечере, Он говорил им непонятные слова о том, что Он скоро уходит от них, и скоро придет к ним. И не ведали, что слова эти о всякой земной разлуке в Боге. Если есть веяние Утешителя, Духа Божия, Он утешает и уверяет, что всякая человеческая разлука тонет в вечности любви и всякая тучка на сердце человеческом тает и рассеивается в огне ее. Кто отлучит нас от любви Божией!!! Отчего же мы о Нем забыли, так не верим Ему, что со смущением и спешно произносим евангельские слова с обето-ваниями Спасителя? Потеряли ли они силу свою, силу

Христову? Нам не нужно держаться за букву и форму, именно за те чудеса и знамения, которые даны апостолам, — Бог даст тот дар, который нужен, но нам надо научиться всегда и беззаветно верить в силу Христову и в силу молитвы Ему. Каждый христианин в смирении должен остерегаться знамений, но в дерзновении молитвенном и он — чудотворец силою Христовой, и он низводит силы своею молитвою. К этому призывает Господь, этого хочет Он от верующих. Часто молитва наша робка и маловерна, уже зара-

нее в сердце звучит неверие, когда уста произносят молитву, неверие или в себя, или в Самого Господа, что обычно слито вместе. Но есть мера молитвы и сила молитвенного подвига, который иначе и не может совершаться как в дерзновении, в знании силы своей. Но он требует от нас великого напряжения, трудов и потов, которых мы не даем. Итак, не Господь отступил от нас, но молитвенная леность наша нас от Него отдалила. Самый трудный путь и трудный труд есть молитвенное делание. Господи, заложи в нас молитву, дай дар молитвенный, дай волю и труд.

10/23.I.1925

Как молиться о нуждах наших? Мы просим у Бога о том, чтобы Он исполнил моление наше, если оно не явно греховно, но мы не можем свои человеческие желания и домыслы делать волей Божьей. Ко всякому своему человеческому прошению должны мы присовокуплять в сердце своем: обаче же не яко Аз хочу, но яко же Ты хоче-ши. Надо стремиться к тому, чтобы в сердце искренно звучала наша молитва эта, иначе мы молимся как язычники во многоглаголании своем. И лучше возможно меньше молиться о своих определенных нуждах и выражать свои определен-

ные желания, а молить Бога просто о помощи и спасении нас и близких наших. Ибо ведает Господь наш наши нужды ранее прошения нашего и приходит к исполнению их. Но в то же время старайся не начинать никакого дела, не принимать никакого жизненного шага без освящения молитвой, старайся так себя воспитать, чтобы это было невозможно для тебя! Молись всегда и обо всем, и Господь мира будет с тобою!

14/27. V I.1925

Бывает так, что Бог через наше недостоинство делает дела Свои людям... Особенно это бывает со священником, которому дана власть от Бога. Наше греховное сознание, ведающее всю

свою немощь и свою скверну, смущает это, и мы готовы отвергнуть и заподозрить самое дело Божие. Но это неверно, и не надо отрицаться даров Бо-жиих. Так же как надо верить в силу искренней и горячей молитвы, которая доходит до Бога, несмотря на грехи молящегося, так же не надо сомневаться в действенности силы Божией, в ней совершающейся. Христианин и в грехе своем остается храм Духа Святого, имеющий помазание от Святого. Он имеет в себе *силу,* которой он и сам боится поверить, ибо она налагает на него

ответственность за ее неупотребление. И, встречая человека, который в этой силе нуждается, он не должен задерживать в себе эту силу, ибо иначе подвергнется осуждению, как не напитавший нуждающегося брата своего. Это сознание должно поддерживать в нас неусыпное внимание и чувство ответственности. Наша леность пользуется всякими предлогами для успокоения и самообмана, таким предлогом является здесь действительная, а чаще и мнимая скромность. Скромность не есть единственная и даже высшая добродетель: все хорошо на своем месте и в свою меру, есть еще и дерзновение, и есть святое безумие любви...

16/29.VI.1925

Наипаче всего научайся смирению. Трудная эта наука, и многие она имеет ступени. Самая первая ступень — это когда открываются глаза на себя и отпадает то самообольщение, в которое неприметно с раннего детства погружается человек, себя воображая. Каждому человеку Бог дает образ, в котором он может себя вообразить подвигом жизни. Но греховное наше воображение вселяет в нас, что этот образ уже сияет в нас, а кроме того, что мы единственно его имеем, а про-

чие люди его лишены. Это убеждение в своей единственности очень тонко и неприметно вселяется в сердце и царит в нем, <...> его сжимает, и много нужно пережить на пути смирения и покаяния, чтобы на самом деле всем сердцем принять, что ты — не единственный или же единственный лишь в грехах своих. Каждого человека смиряет милосердный Господь, посылая уроки жизни, обстоятельства, опытно раскрывающие перед ним его немощь. Для людей одаренных и сильных, «богатых», смириться труднее, потому что они дольше остаются в сознании своей силы, однако каждого человека ждет неизбежно на пути жизни его такое прозрение. Но оно еще не есть смирение, вернее только отрицательное к нему условие, требующее положительных. При отсутствии же их это разочарование в себе отравляет душу злым унынием, завистью, в человеке развивается подполье. Нужно преодолевать его поко-рительной силой смирения, которое состоит в ведении своей немощи и в *приятии* ее как заслуженной кары за грехи и как воли Божией о себе. Нужно немощь свою перестать чувствовать как немощь, что-то недолжное для тебя, но как твое собственное состояние — иным ты и не можешь быть и не должен стремиться, не должен о себе и себя воображать. Все человеческое ничтожно перед благодатью Божией и все человеческое не равноценно. Поэтому и немощь несущественна

для вечного спасения. Человек может мешать грехами своими, гордостью своею вселению благодати Божией, но он ничего к ней не может прибавить. Всяк возносяй себя умален будет, а сми-ряяй себя вознесется. Нужно уйти от самой этой постановки вопроса о своих человеческих правах и свойствах, смотреть вверх, а не вниз, и этот уход — в смирение — даст истинную свободу, детскую легкость, мир и радость. Нет мира и радости без искреннего и глубокого смирения, нет без него нелицеприятия. Стяжание смирения есть самое важное дело для человека, без которого он и не может вступить на путь духовного делания. Посему надо быть всегда внимательным к тому, чтобы видеть доброе в человеках, и, видя себя неимущим, укорять себя и почитать недостойным того, что по милости Божией живешь.

17/30.VI.1925

Скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду, яко к тебе вдах душу мою. — Человек направляет свои пути, не ведая, куда они ведут, но то ведает ведущий. И потому не нужно заботиться, куда ведет путь, но нужно им идти по воле ведущего. Весь человеческий путь кончается у открытой могилы и ведет к ней, и

только к ней, но и он же ведет из

здешней жизни в живот вечный. Нужно хранить душевную свободу и смотреть ввысь, а не вниз, и тогда твердо, ясно и спокойно будем проходить свой путь на земле, не смотря себе под ноги. Господь сказал о себе: Аз есмь *путь*. Как может Он стать *путем* для нас? Он, который есть и живот и истина, Он не только собой указует путь нам, не только ведет им, но и Сам Он есть путь для нас, ибо Он Своим вочеловечением, Своим крестным подвигом дал нам путь спасения, Он Сам его прошел и здесь, и за гробом. И всюду, где бы мы ни находились, мы можем найти себя духовно на этом Пути, опознать себя с Ним и в Нем, посему не растеривайся в пути твоем, не забывайся в его волнениях, но твердо знай, что, как с Лукой и Клеопой, и с тобою грядет Христос.

Париж

16/29. V II.1925 (в день исполнившегося 54-летия)

Господи, благодарю Тебя за все: за жизнь, за судьбу, за родителей, за семью, за друзей, за встречи, знакомства, счастье и несчастье, радости и испытания. Как объять все чудеса Твои и милости Твои? Они неисчислимы. Но более всего благодарю Тебя за то, что Ты дал мне любить и знать

ответную любовь. Нет большей радости и большего блаженства. И благодарю Господа, что Он во всей моей лености и греховности дал мне достигнуть служения алтарю, ибо нет блаженнее этой судьбы на земле. Господь каждому человеку при его рождении определяет срок его жизни, одних призывает в младенчестве, других в юности, а иным дает долгую жизнь, по Его неисповедимому совету. Каждый год, новый поворот жизни мы должны рассматривать как путь к земному пределу, но вместе и принимать новые задачи, в ней открывающиеся. Нельзя смотреть на оставшуюся жизнь как «прочее время живота», которое надо кой-как дожить, но надо дожить достойно, в мире и покаянии. И надвигающаяся или уже надвинувшаяся старость таит в себе свои драгоценные возможности, она есть или может быть увенчанием жизни. Тот, кто достиг старости, освобожден ею от страстей плоти, он, оставаясь в теле, чужд его страстей; он опытом долгой жизни постиг то, что необходимо было ему в юности, и близость к Богу, которая дается стоянием у земного порога, дает особую свежесть его духу. Старость в Боге есть самое драгоценное достояние человечества, духовный его отстой,

чистая влага. Но старость является увенчанием *всей* жизни: какова жизнь, такова и старость, нужно заслужить старость. Люди боятся старости, не хотят ее, но нужно любить старость, хотеть ее, как свободы в

101

Боге. Обновится, яко орля, юность моя, и старость есть эта обновляющаяся в Боге вечная юность духа...

Париж 18.IX/1.X.1925

И в лености житие мое иждих. Дни мои скон-чаваются, дни мои малы, что понесу Господу моему? Какой дам ответ о днях жизни моей, которые Он щедро дал мне и еще дает, терпя моим бесчисленным прегрешениям. Смущение и страх, и стыд, стыд непереносимый, объемлет душу мою, не могу поднять очей моих, не могу дать ответа. Не возвратить дней жизни моей, растраченных в грехе, не возвратить тех возможностей любить Бога и ближнего, которыми Господь милостивый меня осыпал, прошлого не возвратить, и страшусь глядеть в него. Но настоящее? Тебе дает еще Господь *прочие дни живота?* Как ты их используешь? Не кончаешь ли ты каждый день с плачем и мольбой Господу о прощении, что вот и еще день, тебе данный, ты расточил, презрев милость Божию. Когда ты был юн и не знал себя, и не видел греха своего, он не *[неразб.]* и тебе. Но теперь, когда ты видишь и знаешь безмерность греха своего, делаешь ли ты хотя что-нибудь для

102

противления и покаяния? Господь долготерпеливо ждет от тебя покаяния, отдай Ему хоть день, тебе сегодня данный, потрудись Ему хотя в одиннадцатый час, но потрудись, принеси плод покаяния. А ты, ленивый и лукавый раб, только сетуешь и сидишь сложа руки, ожидая, что разверзнется бездна, поглотив твою павшую душу. И.Х.С.Б. помилуй мя.

23.IX/6.X.1925

Дни твои скончаваются, на сердце тихая грусть о том, что не совершил труда своего пред Господом и напрасно расточил данную Им жизнь. Но в твоей этой печали светит любовь Бо-жия и прощение Господне. Он не погнушался нами такими, какими мы есть. Он пришел к нам, блудным и грешным, и не надо нам пугаться своего недостоинства пред Ним, ибо это значит неверием оскорблять безмерную любовь Божию. Каждую литургию совершается это чудо Божьего снисхождения: на дискосе почиет Агнец, Сам Он, Господь, опять жертвенно дается в окаянные и скверные мои руки. Изнемогает душа моя от трепета

перед Божиим снисхождением, пред Божи-им смирением к твари. Бог дается заклятися и быти в снедь верным. Изумляюсь и трепещу и ра-

дуюсь, и снова изумляюсь, и снова объемлю сердцем Божие снисхождение, и молюсь Ему, предо мною лежащему, почиющему на Престоле Своем, молюсь Ему, на Него взирая, к Нему припадая, лицом к лицу, как Моисей на Синае... И как я, червь, могу притекать, чтобы оправдывать своею праведностью это снисхождение, мыслить о том, чтобы стать Его достойным. Не безумие ли сама та мысль, как и мысль о том, чтобы оправдаться жизнью своей перед Ним, втуне мной растраченной. Но я верю, люблю и надеюсь на безмерное милосердие, помилуй меня в нищете, в лености, во грехе и окаянности моей, ибо верю я в безмерность любви Твоей!

27.IX/10.X.1925

Есть страх Божий и есть тот страх, который изгоняет любовь. И этот (последний) страх объ-емлет греховное сердце человеческое, когда размышляешь о жизни своей и о Страшном суде Бо-жием. Все страшнее он становится, когда все яснее видишь свою безобразность перед ним, когда вся жизнь видится как ряд ошибок, праздности, сластолюбия. Страшно видеть себя, и *этот* страх изгоняет любовь, потому что любовь дает веру и питает надежду. Неизмерима, неизмерима лю-

бовь Божия, не по заслугам Он спасает человека, но по милости, вот что нужно непрестанно обрести в сердце, да не погибнет оно от уныния. Прошлого — увы — не изменить, его можно только оплакивать, оно немым укором стоит перед нашей совестью и судит нас ранее Страшного суда. Но не нужно ужасаться, ибо это есть — бесовское запугивание. Нужно иметь омерзение к греху, но не к грешнику, в которого Господь вложил, хотя и поруганный им, образ. И к себе не нужно иметь омерзения, как и к другим, ибо это такой же грех, как и по отношению к ближнему, ибо сам человек есть себе ближний, ибо в нем живет всех любящий Господь И. Христос. Когда жизнь впереди, юность самоуверенна, когда вся жизнь позади — а она всегда неудавшаяся, — старость унывает; а надо всегда быть с Господом и предавать себя Господу: Отче мой! зрю себя, знаю, как застарели недуги и грехи мои, ведут они мою слабую волю, и не надеюсь уже исправиться и пойти с Тобою. Но сего одного хочу, одного хочу, об одном молюсь: дай мне любить Тебя больше

жизни, больше себя, больше всего в мире, Ты знаешь, как искренняя эта молитва, и Ты слышишь ее, Ты прощаешь заблудшее создание Твое...

105

20.XII/2.I.1924-1925

Господи, мой Господи! Как я возблагодарю Тебя! На путях моих видел я руку Твою, ведал я милость Твою, в изумлении зрел Тебя. Господи, мой Господи! Как я возблагодарю Тебя. Ты миловал и сохранял меня, Ты давал мне мысль и смелость, Ты приводил меня к людям Твоим, творящим волю Твою. Господи, мой Господи! Как возблагодарю Тебя! Во всех путях моих Ты соблюдал мне близких моих, Ты дал мне радость соединиться с ними, Ты сохраняешь их. Сохрани же душу мою к Тебе, Господи, мой Господи, дай ей силу огненную любви Твоей, дай ей усилие в молитве к славе Твоей, дай ей услаждение сладчайшим Именем Твоим, дай ей слезы любви Твоей, дай ей забвение о всем мире сем, ради любви Твоей, дай ей свободу от страха и тревоги мира сего. Дай ей зреть выну лице Твое, дай ей лобызать воскрилия риз Твоих, дай ей предстоять у престола Твоего, дай ей слышать вои небесные и их славословие Тебе, дай ей соединиться с хором святых Твоих, выну славящих Тебя, дай ей умереть в любви Твоей, дай ей погубить себя, и потеряться навеки в океане величества Твоего, дай ей зрети славу Твою, дай ей ведети величествие Твое, дай ей но-ситися на руку Твоею, дай ей лобызати нози Сына Твоего и обливати слезами окаянства своего и отирати власы своими, дай ей Дух Святого Уте-

106

шителя, вся исполняющего, вся светлящего, вся увеселяющего, вся воспламеняющего, вся радующего, дай мне зрети и лобызати нози Пречистыя Богородицы Приснодевы Марии, Радостей Радости. Спаси, сохрани, помилуй всех братии моих и приведи их к вере и славе Твоей. Слава, слава, слава в вышних Богу...

21.XII.1924/3.I.1925

«Если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть» (Мф. 24:22). Господь Сам свидетельствует, что, может быть, и будет такая скорбь, такое искушение, пред которым все окажутся бессильными и — падут... Как в ночь Тайной вечери, когда возгласил Господь: один из вас предаст Меня, — *все* стали спрашивать: не я ли, Господи? даже самоуверенная горячность Петра здесь его оставила, и каждый за себя трепетал; как в ночь Гефсиманскую все оставили Его, один предал, один отрекся; так и

в дни скорби сей нет сил человеческих, чтобы *выдержать* все испытание. Такова человеческая *немощь,* и познание своей немощи и всечеловеческой немощи дается в этом страшном горниле испытаний, попущенных Богом. Мир ввергается сатане, и сатана побеждает человеческую немощь. И тогда не-

вольно встает в душе страшный искусительный вопрос: не правы ли те, которые глумятся над верой, которые отрицают духовную жизнь и признают только животную? Не вправе ли они не верить в веру, которая не выдерживает испытания, которая в себе или свыше не содержит силы противостоять всему? Не правы ли те, которые говорят, что вера — это только приправа довольной и сытой жизни, а если она отнимается, то и вера гаснет? Таковы искушения, с которыми диавол приходит к людям в эту Гефсиманскую ночь ужаса и горя. Тот, кто прошел через это горнило искушений, он знает, что это искушение *непосильно* ни для него, ни для кого другого. Для него навсегда сгорела человеческая самоуверенность и гордость, он видит насквозь ограниченность и ослепление тех, кто, этого не испытав, мнит о себе другое. Для него наступает и безочарование и какая-то печальная его мудрость. Он узнает, что вера есть дар Божий, но и возможность веры есть также милость Божия, и она может быть отнята, и ее отсутствия не выдержит «никакая плоть». Можно выдержать, не дрогнув, мученичество, пост, пустынничество, но не это бесконечное и безбрежное, изо дня в день растянувшееся надругательство над всем святым... Душа застывает и изнемогает. Это — *последнее* испытание. Оно учит или отчаянию, или последнему смирению. Человек действительно в плену греха, действи-

тельно он немощен. И никто не должен судить другого, весь суд — Господу Богу. В самом деле, чем лучше наши прежние дети, получившие воспитание от церкви, теперешних детей русских, воспитывающихся как исчадия ада? Разве есть чья-либо личная вина — а если есть, то общая всех, и предков и потомков — в этом осатанении, опустившемся на страну, как черная туча? Господь нелицеприятен. Он будет судить вместе всех, пред Его глазами окажутся оправданными ныне беснующиеся и осужденными их благочестивые предки. О глубина богатства, премудрости и разума Божия. Но поистине мы имеем от себя только немощь и все, все от Господа.

22.XII.1 924/5.I.1925

Когда Господь сказал: «Один из вас предаст Меня», — то ученики в смущении вопрошали друг друга: «Не я ли, Господи?» Они испугались — и они не были уверены — каждый за себя, — что не способны на это падение, и даже Петр в эту минуту забыл свою самоуверенность и пылкость и не стал делать своих заверений. А в эту страшную ночь разбежались все — страх объял неодолимый. Вся любовь к Нему, все чудеса и знамения, которые видели, все силы, которые

творили, — всего этого оказалось недостаточно, чтобы победить человеческую немощь, если только ее не укрепляет сила Божия. А здесь, в эту Гефсиманскую ночь, они были оставлены на свою человеческую силу. Надо знать эту человеческую немощь, чтобы не соблазняться ею и в эту Гефсиманскую ночь, которая ныне опустилась над нашей родиной. Одинаково нет основания ни для разочарования в людях, ни для отчаяния в вере. Только опытно мы познали теперь, что все, что в нас самих казалось нам нашей добродетелью, вообще*нашим,* и даже самая вера в Бога, даже самая любовь к Нему, — все это *милость*Божия. *Смирению* — глубокому и окончательному смирению, но не разочарованию — учит нас современный опыт. Прошедшие его, мы смотрим другими уже глазами на человеческое величие, гордость и силы, как возвратившийся из страны мертвых смотрит на земную жизнь и ее упование. Он видит всех с печатью смерти на лице, он видит их в потустороннем освещении, так же и здесь мы озираем эту жизнь, зная наперед, что сталось бы с нею, если бы она была ввергнута в горнило испытаний. Почему и зачем были ввергнуты апостолы в это искушение, от которого остерегал, зовя к молитве, Господь (молитесь, да не внидите во искушение)? Господь хотел явить *немощь* даже тех, кого Он избрал для Своего дела от всех людей, кто благодатию Божиею обрел в себе

силы служить Ему. Здесь обличается всякая лю-циферическая гордость в человеке. *Нет и не может быть* человека, который бы был непобедим для искушений и испытаний, для силы греха, и святость есть особый удел и милость Божия, она от Бога. Какая это тайна судьбы человеческой! Господь всех заключил в непослушание, чтобы всех помиловать! О глубина и богатство премудрости и разума Божия, яко не исследованы пути Его!

28.XII.1924/10.I.1925

Поклоняемся Рождеству Твоему, Христе! Как тихо и несомненно среди шума житейского сходит в душу святой

праздник и воцаряется в ней! Как радостно любить и радоваться вместе в этот праздник! Как тяжело о тех, кто не входит в любовь эту и остается в тусклых и серых буднях! Слышит ухо внутреннее пение ангелов, и вторит им сердце. Для этого не нужно знамений, не нужно явлений ангелов, которые однажды уже явились, для этого достаточно внимать сердцу своему и светлой праздничной тишине его. В этом ясном, прозрачном свете сердца реют крыла ангельские и слышится пение ангельское. Изумляется ум и немеет сердце пред таинством

111

Божьего снисхождения и Божьей любви к миру. И становится ясно, насколько мир насквозь проницаем для Божества, насколько он ничего не может дать, но и ничему не может помешать, ничего не может заслонить. Господь взял для Себя от мира ясли и пещеру, и тем показал, что ничтожны и не нужны для Него все богатства мира. И Господь пришел в мир под кровом неизвестности для мира, чтобы совершить в нем Свое мировое дело. И даже самое напряженное злодейство мира, в лице Ирода, оказалось бессильным для того, чтобы помешать делу Его и уж тем более посягнуть на Него Самого. И меч Ирода, бессильно опустившийся на вифлеемских младенцев, миновал свою жертву, для которой еще не пришло время для Ее принесения. Какую свежесть, юность и бодрость вливает в душу великий праздник. Как будто заново узнаешь и удостоверяешься, что зло призрачно и бессильно со своими Иродовыми ухищрениями, что здесь, в суете мира, *с нами Бог и мы с Богом.* И все, что творится нынешними Иродами, так же смешно, жалко и бессильно против горящей в высотах Вифлеемской звезды. Она *недосягаема* на небе и в сердце. Но или сердце человеческое — небо? Да, небо, ибо в нем горят звезды. Да, небо, ибо в нем рождается Христос Младенец: да, небо, ибо и в нем реют ангелы и раздается ангельское пение. «Христос рождается!»...

112

30.XII.1924/12.I.1925

«Яко посреде хожду сетей многих...» Незримо ранится и соблазняется душа: услышанное слово, впечатление ложится на сердце тяжелым камнем, давит его каким-то испугом, изнемогает слабое сердце. Таково действие сатаны, и человек сам часто и не подозревает, орудием чего он является. И тогда темно выглядит весь Божий свет и гаснет радость. Тогда в сердце заползает нечистый страх и ночь уныния. То, что знаешь всегда, вдруг выступает перед тобой в каком-то мертвенном свете. Это —

искушение, которое надо мужественно перетерпеть и ему не поддаться. Надо сказать сердцу своему: ты ложь, если забываешь о Боге спасающем. Надо молитвой тереть коченеющие члены души, пока не отнимется эта черная туча. Теперь времена антихристовы. Антихрист сеет свои семена всюду, в беззащитные души и зовет их к восстанию против Бога. Но страшнее этого холод равнодушия и лень сердец, мертвость. Господи! Дай мне Ты силу и власть пробуждать мертвецов, Ты, воскрешавший из мертвых. Пред Тобою сердце мое болящее. Научи меня, как собирать людей Твоих, как пасти их пред Тобою. Изнемогает рассеянное стадо сие, пески изгнания впитывают и поглощают остатки жизненной влаги их. И разумею судьбу их и судьбу всех и человеческим разумом своим зрю ее бе-

зысходность. Но в Тебе и с Тобою нет безысходности, Ты — Путь и Истина, призови же на Путь стадо Твое, дай мне силу огненную, разбей оковы души моей. Я знаю Тебя и слышу Тебя, я люблю Тебя, дай мне зажечь огнем любви Твоей эти остывшие и потемневшие сердца. Ты ведаешь скорбь русскую, Ты знаешь поток сей безбожия, наводнивший землю нашу. Ты вся веси, Ты ведешь, Ты знаешь путь. Я — Твой, я не хочу воли своей. Но зажги, зажги сердце мое в эту холодную Гефсиманскую ночь мира.

31.XII.1924/13.I.1925

Миновал еще год, новая страница книги жизни, обремененная новыми грехами и искушениями, перевернулась в вечности и предстанет пред моим окаянством на Страшном суде Христовом. О, Господи, мой Господи, доколе я гневаю Тебя, испытую долготерпение Твое? Я вижу свою немощь, свой грех, томлюсь им и остаюсь в нем. Но славлю чудеса Твои, Господи, которые Ты явил мне в мире сем. Вся жизнь есть чудо, чудо есть дары Твои, любимые мои, семья, дружба, все мои радости. Чудо есть труд для Тебя, для дела Твоего на земле, которого Ты удостоил меня, недостойного. Чудо есть милости Твои, которыми Ты ме-

ня венчал. Ты спросишь ответа и оправдания о каждом годе жизни, данном нам, и что реку? И, однако, вижу, как велик и благодетелен был истекший год сей, сколь многое дано мне Богом, сколько надежд и возможностей в нем заложено. Я предаю себя в Твою волю: что Тебе угодно, то буди, нет моей воли, нет моего желания, скажи мне путь Твой, в оньже пойду.

2/15.I.1925 День преп. Серафима

Преп. отче Серафиме, моли Бога о нас! Моли Бога о земле русской, тобою возлюбленной, тобою осиянной, тобою прославленной. Как исполин, занявший полнеба величием образа своего, стоишь ты, великий старец наш, хранителем земли русской и за нее молитвенником. Твое сердце — угль горящ, твои уста — сладчайшее Имя Иисусово, твои очи — Богородицыно сияние. Ты все предуведал о наших судьбах, ты наперед плакал о них, но ты и обетовал, что, после великих скорбей, прославится и воссияет земля наша вместе с тобою, великий и дивный Старче наш. И стопочки Богородицы ступали на ней, к тебе и ради тебя, избранный в роде Пречистой, отче наш, и неизгладимы следы сии в земле Богородицыной.

115

Дивный наш, как померкло бы наше небо, как оскудело бы наше сердце, если бы ты не был с нами, если бы ты великими своими подвигами не стяжал бы нам своего предстательства. В тебе тайна России — серафимовская тайна, в угле сердца твоего, преподобие отче наш. Ты освятил землю, на которой ты жил, трудами своими и п%отом, ты освятил камень тот своею молитвою, ты освятил бор своим житием в нем, ты освятил зверей своим с ними общением. Старче духоносный, ты был нам вестником Духа Святого и возлюбленным Духоносицы Девы. Ты радостей радость познал в Ней, и сия радость была в Духе Святом. Ты познал сияющую радость жизни. Для тебя всякое человеческое существо виделось в озарении Духа Святого, и ты стяжал радость любви, ты говорил каждому: «Радость моя!» Правда, мир и радость о Духе Святом жили в тебе, отче наш. Ты познал вон%ю Воскресения, вкусил божественного винограда веселие, и всегда для тебя была Пасха, всегда уста твои приветствовали людей радостной вестью: «Христос воскресе!» Старче наш, в тебе просиял нам Свет Невечерний, в тебе святая Божественная София, Премудрость Божия, в яве бысть нам. В тебе некий Серафим от Божьего престола сошел на землю в человеческом монашеском образе, и земля та была — земля русская. В тебе и тобою совершилось избрание сей земли святой. И сие неотменно, что бы ни совершалось и как бы ни со-

116

вершалось с нею. В день сей, священной памяти твоей, это так видится очами веры, что кажутся несуществующим призраком все наши теперешние беды, и нет ничего, кроме Сарова, Дивеева, серафимовских сирот, их мельницы, канавки, стопочек

Богоматери и самого дивного, склоненного, на топорик опирающегося благодатного старца, с лазурными очами, сияющими радостей радостью и говорящего нам: «Христос воскресе!»

4/17.I.1925

Господи, вот я, раб Твой, пред Тобою, скажи мне волю Твою... Душа моя отяжелела в благополучии, в себялюбии, в покое. Она цепляется за них, бессильная, она не хочет и не умеет «восходить во Иерусалим» для пропятия. А Ты ведешь, Ты зовешь избранных Своих к пропятию с Тобой. Сей Иерусалим — горькая родина наша, избивающая пророков и святителей, и не останавливается свирепость иродов, новые жертвы берет он себе. Мы же смотрим со стороны, как будто нас это не касается, как будто не спросит Господь с нас в день Страшного суда ответа о родине нашей, нам данной и нами греховно утраченной. О, Господи, победи во мне забвение и сон духовный, зажги сердце любовию Креста Твоего.

117

7/20.I.1925

Во плоти ангел, пророков основание, Предтеча Господень! Ты зрел и узнал и крестил Агнца Божия, вземляющего грех мира. Ты устоял, не бежав, смятенный, когда море виде и побеже и Иордан возвратися вспять. Твой молчаливый подвиг есть подвиг веры, мужества и самоотвержения. Как сродница твоя Мария в час свой рекла предустановленное от века: се раба Господня, — и тем человечески совершила спасение мира, так и ты, посланный ангелом Божиим от человеков к встрече Мессии, ты явил себя Предтечей: ты остался на своем месте свершить страшное дело — крестить Христа, быть свидетелем Богоявления, пятидесятницы Христовой. Какие же ныне человеческие силы устояли пред этим страхом и трепетом? Посему и глаголет Господь: несть болий из рожденных между женами, ибо кто же способен видеть лицом к лицу Бога во плоти и явлении Пресвятой Троицы. Предтеча *узнал Его,* он узнал *все,* очи его не были закрыты неведением, которое позволяло переносить зрак Его даже апостолам, —*он видел* — и устоял. Встреча миром Агнца своего в его лице совершилась. Она не могла не совершиться. Вочеловечившийся Бог должен был быть встречен и принят человечеством, иначе не совершилось бы *свободное* спасение. Если бы Иоанн убоялся или впал бы в страшное иску-

118

шение соревнования, мир сошел бы со своих оснований, ибо не узнал бы часа своего, и Христос остался бы непризнанный и

непринятый. Святой Предтеча Христов, собирай нас в собор свой.

10/23.I.1925

Аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит.

Изнемогает душа от греха и бессилия. Мир ранит, и бессильно плачет душа, и видит свой грех и свою немощь. Приходит смерть души, из глубины воззвах к Тебе, но не восходит голос мой, и сам я его не слышу... Дни слабости, дни испытания, дни слез... Господи, я не могу, не хочу зреть своего ничтожества, дай мне зреть только Тебя, думать только о Тебе, любить только Тебя, работать только Тебе. Работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом. Дай мне слезы, но слезы молитвы, слезы умиления. Я Твой, Господи, я не хочу быть своим или чужим, возьми и меня, прими меня...

11/24.I.1925

Господи! Пошли мир Твой на сердце мое! Что слаще мира Твоего, что слаще слез, которые Ты посылаешь, что слаще в предстоянии Тебе на молитве, когда Ты даешь молитву! Господи! Я люблю Тебя, я хочу сгореть в любви Твоей, я хочу любить тех, кого Ты даешь мне любить не для себя, как хочет греховная природа моя, но для них и только для них, как Ты любишь создание Твое. Дай мне эту любовь, научи меня любить — любить не себя в других, но других в себе. Господи, Крепосте моя, прибежище мое и утверждение мое, возлюблю Тебя выну!

13/26.I.1925

Господи, изнемогает душа моя от благодарения. Ты дал мне жизнь, Ты дал мне мир, Ты дал мне близких и любимых, Ты посылал мне во все времена жизни друзей, Ты даешь мне ныне благодатного друга, опору и утешение. Сохрани его, Господи, Твоей благодатию, научи меня, помоги мне, вразуми меня, как сохранить святыню дружбы сея, как вести и спасать мне Тобой избранную душу и как спасаться ею и вместе с нею. Знаю, Господи, что нечисто сердце мое пред Тобою, ве-

даю, что греховна жизнь моя, не достоин я друга сего и негоден я вести его и руководить. Но верю, что Ты, Господи, послал его, знаю, что Сама Пречистая Твоя Матерь осеняет его и нас Покровом Своим, и уповаю, что чрез мои нечистые и гугнивые уста, чрез мою темную душу Ты можешь послать свет Твой и явить путь Твой. Как солнце светит чрез темные облака, как грязный светильник все-таки издает свет, Тобою зажженный. Помоги, Господи, сохрани, освяти!

16/29.I.1925

«И в лености житие мое иждих». Склоняются дни мои, и все отчетливее и беспощаднее слышу приговор: ленивый и лукавый раб, и вижу всю свою жизнь, погрязшую в самолюбовании, праздности и лености, лености... Если бы хотя в чем-нибудь утрудить себя до кровавого пота, если бы хотя в чем-нибудь не жалеть себя ради Господа и труда Его. Но всегда и во всем саможелание и праздность. И видишь долгую жизнь, какую дал Бог, как пустое поле невозделанное, поросшее сорными травами, как неосуществленные и пропущенные возможности. Господи, даждь ми по-ложити начало благое: так молится душа, а сама уже не видит этого начала. Но, Господи мой, я

121

знаю, что эти жалобы Тебе на себя призывают гнев Твой. Это — тяжкое уныние, которое более всех грехов. Это — утрата надежды на милость Твою, которая все превозмогает, и даже мою леность. Твоя благодать спасительная орошает и сухое бесплодное поле моей души. Твоя сила ее держит и живит. Я — Твой раб, твори со мной, что Ты хочешь, веди меня, куда Ты хочешь, повели мне, что должен сотворить раб Твой. Господи, научи меня творити волю Твою!

17/30.I.1925

Кончая день, вижу грехи его, грехи немощи, грехи слабости, грехи невоздержанности и грехи лености. И кто поможет мне от греха сего? И, вставая утром, вижу пред собой те же грехи, которые мертвым грузом своим лежат на совести моей. Господи, прости, облегчи раны души моей. Ты даешь мне еще и еще жизнь, даешь эти месяцы и годы, а я, окаянный, их испепеляю во грехах моих. Но Ты, Господи, упование мое, прибежище мое, щит мой, утешение мое. Тебе отдаю грешную душу свою.

122

18/31.I.1925

Святый ангел-хранитель, моли Бога о нас! Какая радость, какая бодрость, какое утешение знать, что есть у нас ангел-хранитель, верный и бодрый и добрый друг, и молитвенно призывать его. Сейчас, после молитвенного канона ангелу-хранителю, на душе такая свежесть и ясность, как будто он — верный наставник и друг — коснулся своим крылом, как будто испила душа моя из чаши небожителей. И как-то радостно знает и верит душа, что это он, да, он — со мною и со всеми нами. Какая неизмеримая радость будет, когда откроются наши очи и мы увидим всю свою жизнь и, на протяжении всей, ее верного

спутника, хранившего нас и милых, дорогих наших, от расхищения, от растерзания, от злобных демонов и их служителей, когда мы узнаем эту любовь к нам, нами ничем, ничем, кроме небрежения, не заслуженную, и эту молитву пред престолом Всевышнего о нас и славословие ангельское.

20.I/2.II.1925

Господи, благодарю Тебя за испытание, за трудности, за горести, которые Ты мне посылаешь. Я знаю, как жестка и черства и суха душа

123

моя без Твоих вразумлений, как она засыпает, как ожесточается. Славлю и лобызаю ведущую десницу Твою.

23.I/5. II.1925

Была потрясающая и умилительная картина отхождения к Богу юной девы. Господь привел меня к ее смертному одру незадолго до ее кончины. Христос посетил ее и приобщил моей грешной рукой Своего Тела и Крови. Как птица в синеву небес, воспарила ее душа к Жениху, в той комнате скорби тогда было небо, Господь был близ, было чудо милосердия Божия. А теперь она лежала спокойно, ясно и строго, все узнав, чего мы здесь не знаем. И было вокруг молитвенно и торжественно. Как благодатно служение священническое, — Господь дает грешному человеку, приближаясь к таинствам Своим, присутствовать при Своем прохождении. Как Моисей зрел задняя Божия, так зрит их и иерей, и на него ложится отсвет этой Славы, как на Моисея. О дивное и страшное служение! Как возблагодарить Бога за милость сию?

124

24.I/6.II.1925

Господи! Иногда слабеют плечи мои и, кажется, изнемогают. Поддержи меня силою Твоею. Ты падал и изнемогал в несении креста Твоего, Ты падал и изнемогал под тяжестью грехов моих, ибо Ты нес и мой крест на Себе, и уже пронес и донес его до места Голгофы. А я изнемогаю... Какой грех слабости и малодушия! Но Ты разрешил изнемогать, Ты благословил и изнеможение, ибо падал Ты под тягостью креста и нес его. Так и раба Твоего, Господи, вразуми и научи любить крест свой и не изнемогать от него на пути душою, даже когда изнемогают силы. Ты Сам, Господи, помогаешь, Ты со мной, на Тебя опирается рука моя. Ты всех ведешь, Господи, путем горестного и тягостного покаяния, видения грехов своих, испытания совести своей. Кресту Твоему поклоняюся, Вла-дыко, научи меня любить крест мой.

25.I/7. II.1925

Избави нас от всякого неведения и забвения и *окамененного нечувствия*. Когда сей недуг посещает грешную душу, темнеет в несчастной душе и темен становится мир. Слова молитвы падают, не отражая звука в безвоздушном пространстве.

125

Молятся уста, но не молится душа. Мысли несутся, как разорванные тучи. Вся жизнь становится каким-то скучным обрядом, и нет в ней очарования. Холодная рука сжимает сердце, и нет в нем любви ни к Богу, ни к человеку, ни к Божьему миру. Как тень бродит человек призраком в мире призраков, и смеется сатана, который торжествует свою клеветническую победу. Прочь, клеветник! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! Милосердный Бог видит нужду мою, видит скорбь мою и немощь мою. Милосердный Бог выйдет навстречу блудному сыну, обнимет и насытит. Это отступление ко греху моему, окаянству моему для утверждения сил моих. Близ есть Господь и скоро поможет призывающим Его. Господи, зажги сердце немощное, дай любить Тебя всей душой, всем сердцем, всем помышлением.

27.I/9. II.1925

Господи, научи меня смирению мытареву, дай возненавидеть себя в своей скверне, но сохрани меня от уныния и испуга. Я таков, каким Ты, Господи, меня изволил. Ты дал мне жизнь, дал любовь, дал все дары Твои. А я, несчастный, гордился, не благодарил, жаловался, изнемогал и ленился без конца, проленился всю жизнь свою. И те-

126

перь, на склоне, вижу, как всю жизнь я проленил-ся и не употребил во благо Твоих даров, не сделал Твоего труда, ибо жалел, жалел себя без конца. Ничему не научился, ничего не доделал, ничего не узнал и никому не помог. Я оставляю мир, как будто в нем не был, если не считать неисчислимых жертв моей лености и паразитства. Предо мной краткий остаток дней моих, который Ты мне еще даешь, дай мне волю к покаянию. Я ничего уже не могу сделать в жизни, я не могу вернуть своего прошлого, мною утраченного в лени, дай мне хотя оплакать его искренними слезами и благодарить Тебя за все дары Твои. Дай глас мытарев, Боже, милостив буди мне грешному.

28.I/10.II.1925

Святый ангел-хранитель, моли Бога о нас. Как утешает и укрепляет молитва к ангелу-хранителю, другу нашему, который всегда близ и нам принадлежит. Нужно однажды в жизни как-то

увидать своего хранителя-друга, обрести его в молитве, чтобы носить в сердце радость о нем и упование. Какой страх, но и какая великая радость ждет нас, когда узнаем его лицом к лицу, узрим его после прехождения земного порога, когда разрешимся плоти. Какого учителя и на-

ставника для той жизни мы в нем обретаем, который ведает всю нашу жизнь, всю ее *жил* с нами, плакал о наших падениях и радовался о наших восстаниях. Он знает, *как* преподать нам первые уроки в новой жизни, которая ждет нас за гробом. О, мы не будем там одни, мы не будем оставлены. Ибо всякая, даже самая высшая, самая нежная человеческая дружба не может сравниться с этой дружбой духовной, бескорыстной, не гнушающейся нашей смрадности и косности, но любовию все превозмогающей. Но и здесь он с нами, стоит за нашей спиной, осеняет нас своими крылами. Святой ангеле, хранителю Господень, моли Бога о нас!

30.I/12.II.1925

Твой есть день и Твоя есть нощь. Ты уставил времена и сроки. Ты положил возраст человеку и труд его на земле. Ты дал мне долгую жизнь и явил Себя во все ее сроки. Ты хранил меня младенцем и дал вкусить от рая сладости младенчества. И Ты дал мне унести и сохранить во всей жизни своей плоды райского древа, вкушенные мною тогда. Ты освятил мои внутренности и посвятил меня храму. Младенцем и отроком возлюбил я сладость дома Твоего и жития в нем. Ты

коснулся сердца моего жалостью к людям, и слезы раскаяния знали детские очи мои. Ты породил меня под сению Сергиевского храма, если Тебе благоугодно, и примешь под сению его мою грешную душу. И я, как блудный сын, взял богатство свое и удалился в страну далеку расточать имение свое, живя грешно и блудно, и сухо, и бедно. И было так дотоле, пока не услышал я зова в сердце моем и не взял посоха, и трудно, нерешительно, робея, спотыкаясь, озираясь, пошел в дом Отца моего. Был долог путь, но Отец меня встретил, обнял и привел, дал мне пир веры. И началась моя жизнь у Отца, но, Боже милосердный, каким она была оскорблением этого дома. Я принес и удержал все дурные навыки блудного своего жития, всю честолюбивую гордость, всю неукрощенность воображения и страстей. И я снова начал сочинять себя и надмеваться собою, и голос истинного покаяния стихал в моем сердце. Тогда Ты вразумил меня испытанием,

горем. Я очнулся и снова, претыкаясь, побрел, и так — в борьбе с блудными навыками своей греховной и смутной юности, изжил я свою зрелую жизнь. Господь окружил меня близкими и любящими, осыпал меня дарами своими, я принимал это как должное, и было холодно сердце мое. Но Господь зажег во мне новую любовь к дому Своему, детский благовест зазвучал победно, случились общие испытания, и Господь снова вышел мне на-

встречу и взял меня в дом Свой, в ограду священства. И началась моя старость, кончающая жизнь бессилием, венчающая жизнь силою и славою. Ты провел меня чрез испытание и чудесно сохранил меня, но я остался глухим и косным сердцем. Тогда Ты излил новую и великую милость, послал мне верного друга в молитве и жизни, ангела-хранителя, и с ним дал мне проходить эту предзакатную часть жизни. Ты окружаешь меня любовию, Господи! Как я воздам, как буду достоин Тебя. Но *я хочу* отдать Тебе всю свою жизнь, которую Тебе благоугодно дать мне, хочу Тебе безраздельно посвятить этот ничтожный остаток сил своих, который Ты можешь, если Тебе угодно, умножить. Я хочу жить Тобою и для Тебя и больше ничего не хотеть. Помоги мне Ты, Который все можешь, можешь укрепить и мое ничтожество!

31.I/13.II.1925

Господи, благодарю Тебя за любовь. Нет ничего выше любви, блаженнее любви и прекраснее. Ты даешь мне любить и быть любимым, мне, жестоковыйному, недостойному, черствому. Ты благодатию Твоею воспламеняешь во мне любовь так, что кипит сердце мое и сгорает утроба

моя. Ты даешь мне себя возненавидеть и ближнего моего возлюбить благодатию Твоею, причащением Тела и Крови Твоей. О, сколь дивное и страшное сие таинство! Как спасает оно и живит причащающихся! Сколь блажен удел иерея, имеющего страшное сие право, и как должны мы стремиться и верующим чаще преподавать святые тайны. Изменяется природа нашего естества, противоестественное становится естественным, чужая радость — своею радостию, чужая боль — своею болью. И в сердце ликующая радость о каждом человеке, о каждом создании Божием, и заблудшем и погибающем, и не ведающем Создателя своего. И небесной, райской радостью, звоном Иерусалима небесного звенит радость о любящих и любимых, данных Богом. Слава Тебе!

1/14.II.1925

Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, окаянного! Иисусе Христе, Твоим Именем сладчайшим утишается буря сердца моего и жестокие его обстояния. Ты являешься на взволнованных водах души моей и протягиваешь мне руку помощи, слышу глас Твой сладчайший: «Чего усомнился, маловере», и иду, иду к Тебе по водам бурным. Растаяли облака скорби, сомнений, уны-

ния, ясно и светло в душе моей, и стоит на небе ее Солнце мое — Имя Твое. Господи, возлюблю Тя, Крепосте моя, Ты прибежище и утверждение мое. Дай любовь, дай волю, ум, помышление к Тебе, Тебе единому.

3/16.II.1925

Но Сын Человеческий, пришедше, найдет ли веру на земле? Тяжела злоба, тяжело кощунство, тяжела вражда врагов креста Христова, но всего тяжелее и мертвее равнодушие, которое стелется подобно ядовитым туманам над миром и над русскою землею и заполняет испарениями своими легкие. Иногда задыхаешься в этой скорби холода, неверия, одичания духовного. *Зане суть плоть* — этот приговор Божий над допотопным человечеством исполняется и в наши дни. Но как же быть в скорби сей? Осуждать этих несчастных, возмущаться, негодовать, хотеть своими человеческими средствами помогать Господу или сводить огонь с небеси? И тем самому отравляться тем же ядом? Или же тихо скорбеть, плача, просить у Бога помощи и прощения, с неосуждением, хотя и печалию, терпеть и к Господу взывать. Христианин не один, ибо с ним Христос. От Него ничто не может отделить — ни жизнь, ни

смерть, ни глубина. В Нем ищи опоры и утешения и превозмогай. Знай, что не неведомы и не неожиданны тебе времена общего отступления, они предсказаны Господом, допущены Им в круг времен и свершений. Они имеют какое-то значение, нам неведомое, для торжества добра, для победы Христовой в мире. Стенай, скорби, плачь, но противоборствуй во Христе, будь Его верный служитель, и в Нем, в Нем одном да будет крепость и утверждение.

4/17.II.1925

Молюсь святым Божиим, взираю на их лики на их иконах и поименно призываю каждого, беседую с ними, молю их о нуждах своих и с ними вместе молю Господа славы. Святые в иконах своих окружают алтарь мой домашний и сослужат мне, сомолятся

со мною. Дивен Бог во святых Своих, и блажен человек со святыми Божии-ми. Это радуга Божия, это хор ангелов-челове-ков, вместе с нами, грешными, вместе со мною, окаянным, молящихся Богу. Они не гнушаются окаянства моего, и я не устыждаюсь, но зову их. Любовь наша к святым становится все теплее, ощутительнее, жизненнее, чем мы больше им молимся, и их ответная любовь к нам становится

133

еще пламеннее, если только там может быть *еще*. Но ведь и святые Божии человеки, и для них есть вечное *еще,* и они богатеют в Бога любовию к нам нашими молитвами. Это кольцо человеческой *взаимности,* связующее небо с землею, грешных человеков и Божиих святых, это — ощутимость церкви видимой и невидимой, это — радуга — мост восхождения нашего от земли на небо. И все святые отзываются на наши молитвы, каждый на свою, о своем, к нему обращенную, и говорят своим языком, своим — свят. Николай, своим — преп. Сергий, своим — преп. Серафим, своим — вкмч. Пантелеймон, своим — Мария Магдалина, вкмч. Варвара... Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев!

7/20.II.1925

Смерть! Дивное и великое таинство, с которым мы непрестанно встречаемся, проходя мимо и спеша, отвлекаясь мелочами жизни. О тишина, о молчание, о голос того века, слышное, слышное молчание! Как близка смерть — как молитва, как Бог в молитве. Не нужно идти, не нужно искать, всегда здесь, близ, так и смерть всегда здесь, близ, нет никакого расстояния. И однако — бездна, и в этой бездне смысл жизни, ее оправдание,

134

ее разгадка. Если бы жизнь мы могли мерить оттуда и тем, как учит нас Церковь, призывая к непрестанной памяти часа смертного, призывая к возгреванию вечной памяти и памяти вечности. Мучительны часы смерти, страшен ее приход, но это ведь преходящий миг, а за ней освобождение и... итог, печальный, страшный, неумытный. Смолоду может казаться, что ненормальна смерть, но затем все яснее становится, что жизнь и есть смерть, как смерть есть жизнь. Смолоду может казаться, что смерть в таком отдалении, будто ее фактически нет. А затем становится все яснее (как и мне, окаянному, ныне), что давно уже перешел законный срок жизни, обозначавшийся всеми смертельными опасностями, от которых Бог сохранил, и теперь уже сверхдолжный срок жизни, особый дар милости и долготерпения

Божия, дар щедротности Божией. И за каждый день и час этой сверхдолжной жизни нужно особо благодарить Господа, особо радоваться каждому этому часу и особенно за него ответствовать перед Богом. Господь явил тебе, что жизнь твоя давно истощилась, и в глубине души ты сам это знаешь. Но Он в милосердии Своем дает еще и еще срок покаяния и смотрит и ждет, как ты воспользуешься отсрочкой, так же лениво и себялюбиво, как в дни своей всей жизни, которую всю ты в лености иждил, или принесешь плод покаяния. И каждая смерть есть зов и укор

135

и обличение, каждая смерть. Господи, дай мне память смертную и умиление!

10/23.II.1925

Если ты терпишь неправду, не злобствуй и не злорадствуй, и не малодушествуй пред злом, но прими это как испытание, как милость Божию, радуясь и благодаря Бога, что дал тебе претерпеть поношение. И *молись* о тебя онеправдовав-ших: поставь себя пред Богом и, молясь о них, прости в сердце своем пред лицом всеведущего Бога и воздохни о них, пожалей их. Да не будет это воздыхание фарисейское: Господи, я не таков, как они, — надо в их неправде видеть или искать их правду, их ревность, надо ставить себя в их положение и спрашивать себя, как бы ты поступил, не сделал бы и ты так же, ибо ограничен и односторонен и пристрастен всяк человек. И затем всегда видишь свой грех и свою вину и знаешь, что их суд, неправый в частностях, ты заслужил. Ищи всегда вину свою и исповедуй ее пред Богом, проси у Бога прощения, что соблазнил ближних своих и ввел во искушение. Но, главное, не злобствуй, не превозносись и не отчаивайся. Помни, что всяк человек ложь, и так как ты онеправдован, так и сам онеправдовал. Старайся по-

136

бедить зло добром. Это твой грех и твоя слабость, если ты не можешь обратить сердце недруга твоего, который против тебя по неведению. Будь терпелив. Терпи. Терпением спасайте души ваши. Претерпевый до конца, тот спасен будет. Терпение же рождает кротость, кротость — прощение, прощение — любовь. Любите врагов ваших — что блаженнее, как возлюбить недруга! Господи, помоги мне любить и прощать и жалеть и не осуждать братии моих, ревнующих о Тебе!

12/25.II.1925

Господи, пошли мир Твой на люди Твоя! Как жаждет

немирная душа мира, какое благодатное сокровище мир Твой! Меняется вся жизнь наша, все чувства, все помышления с миром Твоим. Вся сила человека в блюдении мира, все его спасение. Только мирный в сердце своем может любить, радовать, помогать своим ближним, только мирный может различать доброе от злого, важное — от неважного, нужное — от ненужного. Только мирный владеет собою и владеет мудростию. Но и немирный тоскует о мире, утраченном и необ-ретенном, он и ярится потому, что в сердце своем сам не мирится с немирностью своей и жаждет мира. И приражения лукавства всегда прежде

137

всего лишают мира. Вот кажется тебе, что ты онеправдован, что ты обижен, что ты в опасности, и начинается буря в душе пристрастий, мелких и злых чувств. Человек их стыдится, их не хочет, с ними борется, ими побеждается. Молись тогда, молись, проси у Бога мира, молись больше всего о тех, кто тебя соблазняет; молись неотступно, молись кроваво за мир твой, и Господь пошлет тебе мир Свой.

13/26.II.1925

Смиряйся в волю Божию. Если ты видишь, что обстоятельства складываются властно и повелительно, но не так, как хочется тебе в самых твоих искренних, горячих и чистых пожеланиях, покоряйся в том воле Божией, смиряйся. Заставь себя любить десницу Божию, тебя ведущую, хотеть не того, что ты хочешь, но чего Бог для тебя хочет, даже если бы болело и изнемогало сердце твое. В этом высшая мудрость и высшая покорность. Может быть, не скоро, но рано или поздно раскроется и пред тобой правда Божия и любовь Божия, тебя ведущая, ты и сам поймешь всю ограниченность твоих нынешних желаний и возблагодаришь Господа. Потому пусть не мятется сердце твое, если не по-твоему выходит. Если ты

138

сделал от себя все, что мог и считал полезным и нужным, жди испытания от Господа и Ему покорствуй. Не томи сердце свое чрезмерной заботой о будущем; ты не знаешь, будет ли и как будет для тебя это будущее. Ты омрачаешь сердце печалью, которая всегда греховна, и не радуешься данной тебе ныне радостью. Возложи печаль твою на Господа, и Той тя препитает. Успокой неспокойное сердце.

14/27.II.1925

Уходят в тот мир спутники жизни, и каждый зовет — туда и, как звон призывный, говорит о предстоящем и приближающемся

смертном часе. Смерть грешников люта, и страшен час смертный всякому грешнику и окаянству моему. Но надеюсь на милость благоутробия Твоего. Давно уже слышит и знает душа этот зов, но не как неведомый и чуждый, но родной и близкий. Страшна, но и нестрашна смерть, ибо она истлевает, умирает сама, чем ближе мы к ней приближаемся. И за страшной и тягостной обстановкой гроба и тлена загорается новая жизнь, новая юность. Обновится яко орля юность твоя. Не нужно кутаться в стоическую тогу бесстрастия и равнодушия, потому что это гордость и лицемерие, но нужно от-

139

даваться смиренно в любящую руку Господа. И как будто становятся постепенно все прозрачнее тяжелые врата смерти, чрез них просвечивает свет, доносится пение, предчувствуются души, там обитающие. У души пробиваются крылья, это как резь зубов, — давно еще, но уже есть начало, уже с предутренним чувством проходит жизнь душа, в утреннем воздухе купается... Надо жить всей полнотой, всей любовью, всем трудом, но надо носить в себе это в%едение, что все — *довременно,* что все не только придется оставить, но *надо* оставить, *надо* принять... новое.

24.II/9.III.1925

Святые дни Великого поста! Как живителен их ясный воздух, как светит их ясное солнце, как омывает душу их ясная чреда... Бог установил времена, и каждому времени дал свой чин и свою силу, но из всех дней избрал и почтил Он спасительные дни сии, в которых собирается и накопляется сила Великого Дня Христова Воскресения. В душе набухают почки нового дня. Но для этого должны быть срезаны старые ветви, как мучительно и тягостно это срезание, когда видишь себя, всю жизнь свою в свете Страшного суда Христова, Его правды. Где наше величие, все-

140

гда мнимое, где наша гордость, тешащаяся призраками? Сколь тяжко это — *себя видеть,* поистине не может человек выносить этого долгое время, ищет забыться, отвернуться от себя; и только подвижники, мужи силы, выносили это непрестанное видение грехов своих, непрестанное покаяние. Нам же, малым и слабым, Господь смягчает время оплакивания наших собственных грехов, даруя прощение, даруя ослабу, даруя праздник. И в смирении будем принимать эту ослабу, как неспособные на большее... Один всегда подвизается в монастыре, другой лишь на краткое время туда приходит для молитвы, но пусть и второй не отчаивается. Поистине *страшно* себя видеть, и не надо ни

испугаться, ни отравиться страхом, впав в уныние и отчаяние о себе. Это будет лишь новая гордость навыворот, надо *терпеть* и себя, стяжать дух *терпения.*

25.II/10.III.1925

Господи, помилуй и помоги скорбящим и озлобленным рабам Твоим! Совершаются судьбы Твои рукою человеческою, силами природы, тем, что люди зовут слепым случаем. Сердце наше надрывается пред непоправимым, бессильно и не умеет возложить печаль свою на Бога, не умеет

141

увидеть здесь десницу Божию всегда и во всем. Очи наши застланы... не могут подняться к нему, но нужно трудное усилие. Как после глубокой молитвы в душе воцаряется невозмутимая ясность, так и после скорби воцаряется покой. Да будет воля Твоя!

27.II/12.III.1925

Господи! Какое чудо — иконы Твои и святых Твоих, сколь чудно присутствие Твое в иных, сколь чудна близость Твоя и их к нашему грешному миру. Созерцая икону Предтечи Твоего, начертанную богомудрою рукою, трепетно чувствовал я душою смущенной, что это он сам коснулся души моей, он сам выступил из небесного жилища своего, чтобы озарить тьму этого мира, чтобы снова призывать нас к покаянию, чтобы снова возвещать нам о пришествии Господнем. И мнится, что дивная икона сия не просто начерталась, но и знаменует приближение времен и сроков, знаменует приближение свидетелей и светильников Твоих, уготовляющих путь Господень. Не эта робкая и нежная рука сию икону начертала, но сама десница Предтечева, коснувшаяся неба и земли над склоненною главою Христовой. Можно пить источники утешения, слез, радости,

142

благодати пред иконой, можно пред нею молиться, можно возноситься в мир тот. Икона не освященная — она с нами здесь, она нам, человекам, рассказанная, она откровение для человеков, она Господь на земле, который дает себя видеть, слышать, принимать, обнимать Свои колени, омывать Свои ноги и отирать их власами, но икона освященная уже уходит от нас, грешно ее пытаться обнять так, как Мария хотела обнять ноги Спасителевы. Она — Христос Вознесшийся, Христос в Теле Воскресшем, мы не можем ее смотреть; мы должны на нее молиться, и нескромные взоры уже греховны. Нельзя смотреть, не молясь, на иконы, уже освященные, и некое недолжное (хотя по человеческой немощи,

может быть, и невольное и неизбежное, которое, однако, должно быть смыто покаянием) прегрешение совершаем мы, когда *рассматриваем* икону, любуемся ею. Но не освященная еще, но благоговейно начертанная, икона есть уже тот, кто начертан, есть *его* присутствие, его лик. В дом сей вошел Креститель Спасов Иоанн.

28.II/13.III.1925

Душе Святый, сердце Отчее, Любовь Любви, Любовь Святой Троицы! Ты дышишь, где хо-

143

чешь, Ты везде сый, Ты вся исполняяй, исполни и меня, худородного и недостойного, п%ети мыслью славу Твою, возвещать любовь Твою, воспевать пришествие Твое и приближение Твое. О Тебе изнемогает слово, ибо Ты — не Слово; о Тебе трепещет всякое сердце, ибо Ты — трепет сердца Отчего. О Тебе радуется всякая тварь, ибо Ты — Радостей Радость, Радость совершенная. О Тебе утешается всякая скорбь, исцеляется всякая немощь, ибо Ты — Утешитель. О Тебе просветляется всякая сумеречность, ибо Ты — свет преемственный. О Тебе исполняется всякая человеческая мечта, ибо Ты — всех исполнение. О Тебе обожаемся — сено в огне, ибо Ты — огнь божественный, нас обожающий. О Тебе осуществляется всякая надежда, ибо Ты грядущее возвещаешь. О Тебе любовию воспламеняется всякое сердце, ибо Ты — любовь еси и любовию его зажигаешь. Новая заповедь Христова: «Да любите друг друга» — есть и обетование Утешителя, Тебя, Любве. Научение апостола языков о пути превосходнейшем любви есть о Тебе научение. Тобою радуемся, Тобою молимся, Тобою вдохновляемся, Тобою любим, Тобою обожаемся, Душе Святый, Свете Истинный, Радостей Радость, мира Утешение.

144

1/14.III.1925

Душе Святый, Любовь Божия, осветляющая, увеселяющая, радующая! Никто не знает, когда Ты приходишь и когда уходишь, но знает верное сердце, которое то вдруг трепетно радуется, истаевая, и из себя выходит, то вдруг, оставаясь собой, пребывает печальное, пустое и скованное. Когда Ты приходишь, цветет жизнь, радуются земля и небо, любовию зажигаются люди и радостью веет от всякого Твоего создания, наипаче от человека. Сколь блаженна была бы жизнь, если бы мы могли это удержать, сколь светел был бы мир Божий, земля и небо, если бы всегда он озарялся *этим* светом, сколь чудны были бы человеческие

отношения в Духе Божием, когда человек человеку не омрачение, но радость. Но никто не знает, как Ты уходишь. И мы остаемся жертвами самих себя, неутоленности, изъязв-ленности и пустоты, пустоты холода отъединения. Жаждет сердце утешения, жаждет вся тварь Утешителя. Утешителю, Душе Истины, прииди и вселися в ны!

145

3/16.III.1925

Душа человеческая дороже мира. Какое сокровище живая человеческая душа, какие жемчужины могут таиться на дне ее, о которых не подозревает сам человек и окружающие его, но о которых с изумлением и благодарением Богу свидетельствует Ему иерей, принимающий исповедь. Какая страшная на нас ответственность — разрывать этот клад в душах, разрыхлять их для благодати Божией, орошать их дождем молитвы и слова! Господь знает Свое творение лучше, чем мы, в своей ограниченности видящие только кору и пески, и Он знает пути спасения каждого. Как дорог и как хорош человек в своем покаянии, в своей любви к Богу, в стремлении к Нему, как прекрасен кающийся. Он этого никогда не видит и не может и не должен видеть в своем покаянии, но видит Бог, видят святые ангелы, видит иерей, исповедь приемлющий. С благодатию священства Господь дает и благодать приятия чужих грехов и искреннего их неосуждения и прощения; священнику — сердце беззлобное. И ему видится кающийся не в грехах своих, но в красе своей Божьего творения, в нем светит образ Господа, в нем начертанный...

146

4/17.III.1925

Господи, каждый день даешь Ты пищу Твою душе и телу, даешь труд, даешь жизнь. Каждый день душа, омытая молитвой, снова дышит воздухом Твоим и внемлет Тебе, Богу живому, до тех пор, пока Ты не повелишь и не станет нового дня с его пищей. Человеческое лицо обращено вперед с надеждой, но со страхом мы озираемся назад, ибо там неисчетная чреда дней, прожитых в лености, загубленных, потерянных, и с каждым новым днем, каждочасно старея, мы надеемся начать новую жизнь. Есть ли этот роковой самообман наша слабость, или же спасительная милость Божия? Бог не отъемлет надежды даже тогда, когда ее отъемлет человек, и Бог не постыждает надеющихся нань. Итак, душа моя, что же тебе мешает: начни днесь новую жизнь и веди ее столько, сколько Господь велит... Изыщи, что тебе надо, с чего

тебе начинать. Что в твоей власти, что ты можешь, а следовательно, должен немедленно исправить, искоренить, совершить? Молитвенная ли воля и бдение, пост или доверие к Богу, любовное внимание к ближним своим? Побди, душа, и дай Богу плод нового дня твоего, как бы ни был мал этот плод. Господь Сам умножит хлеб твой, но дай его Ему ты сам.

147

6/19.III.1925

Сила любви — жертва, и высшая любовь есть жертвенная. И Господь хочет и дает такую любовь и силу ее избранникам Своим. Вся жизнь их есть подвиг, жертва, самоотречение, и никакого умягчения, ни услаждения. И таков образ любви Матери Божией, которая вся есть единая жертва. Вся Ее жизнь, вместе с Сыном Ее была посвящена подвигу жертвенной любви, и оружие сердце Ее всегда и непрестанно пронзало. Раба Господня, Она служила Ему жертвоприносящей любо-вию Своего матернего сердца, и доныне Она, прославленная на небесах, эту жертву приносит, ибо плачет и ходатайствует о роде греховном человеческом. И таков же был Иоанн Предтеча, сродник Ее. Ему дано было вкусить также лишь жертвенной любви, быть не женихом, но другом Жениховым, не расти, но м%алиться. Он вольно принес в жертву себя и свое дело, когда сретил Агнца Божьего, но он не вкусил и радости участия в браке, пребывания на брачном пире. Он не присоединился к ученикам Его, не ходил с Ним, не услаждался Его слышанием и лицезрением; он, который б%ольший из рожденных женами, был этого всего более достоин, но оставался *один* со своими учениками, продолжая крестить крещением покаяния, приуготовлять к ср%етению Христа. Он остался один в ожидании своего кон-

148

ца от меча Иродова, и никакого умягчения, никакого услаждения, никакой радости человеческой, хотя и самой духовной, не было на пути его, одиноком и священно-ужасном и страшном. Его любовь была жертвой и только жертвой, как и Богоматери; и Богом была принята эта жертва... И печать духа Предтечева лежит на избранных душах, которые идут путем стропотным, напряжения, жертвы, подвига, — только не останавливаться; *нельзя отдыхать* — таков голос их души — и идут, восходя от славы в славу, путем Предтече-вым — к сонму Царицы неба и земли, Матери на земле Неутешной.

7/20.III.1925

Сколько возлюбленны селения Твои, Господи сил, желает и

скончавается душа моя во дворы Господни! Сколь радостен, сколь избран удел священника, яко птица обретшего себе храмину. Но не все — священники, однако и несвященникам дает Господь прикасаться к святилищу и радоваться о сем. Зрю жен и дев, создающих священные облачения, покровы для святых тайн Христовых, и радостно ширится сердце мое о них, о любви их, о чуде милости Божией. Непрестанно созидается и проходится благодатная ле-

ствица между землею и небом. Она творится и ныне робкими и послушными перстами. Ибо то, что к святилищу, то свято уже в предназначении, свято оно в освящении и, входя в завесу огня, изъемлется из рук человеческих, оставаясь лишь в руках священнических, но поистине не человеческие уже руки священнические (сколь ни греховна, ни окаянна десница моя, о Господи). И то, что шьется и ткется в нашем быту, в обыденной жизни нашей, уже перерождается и святится в наших руках, становится вещью иного мира, нового неба и новой земли. Господь избрал искуснейших и наделил их дарами Святого Духа для совершения работ их для скинии. Но дар этот, сошедший однажды для избранных, остается и передается и ныне в Церкви, он почиет и ныне на тех, кто достойно и молитвенно совершает труд сей. И сии диакониссы Христовы допущены к некоему внешнему двору святилища, и они облекаются священством в *своем* чине непосвященных. И сим созидается мост между святилищем и внешним двором, связь, по которой восходят и нисходят ангелы с неба на землю. И жена, приносящая Господу любовь свою и труд свой, подо-бится женщине, купившей алавастр мира многоценного и возлившей на ноги Спасителя, и исполнился благоухания дом тот, и Господь сказал о сей блаженной жене, яко благое она сотворила... Благо, да будет благо и ныне сотворяющим

благое женам, приносящим скляницу мира драгоценного любви сердца своего.

8/21.III.1925

Слава, Господи, Кресту Твоему честному. Я зрю крестную славу в бесконечных ее образах. Я созерцаю ее в распинающемся человеке. Се стоит он на кресте своем вольной любви к Господу, с сжатыми губами, напряженными членами, сухим взором, с болью утомления, и смотрит на мир, который ему не чужд, но безответен, умирая в любви и от любви к тому, что больше мира и

выше мира. Как прекрасен он, как светел зрак его и тих, как поклоняюсь ему, целую край ризы его, внемлю воздыханиям его и внемлю трепету пламенного сердца его. Горит сия неопалимая купина, горит и не сгорает, и в ней переплавляется золото сердца его. Страшит нашу слабость вид распятия и самораспятия, и вместе с тем что же иное можем мы предложить Богу, как не себя самих, чтобы возлюбить Его Его же любовию, какою Он победил мир. Естественное движение сказать любимому распинающемуся: сойди со креста, не мучь себя, но властен ли человек дать волю этому движению? Не становится ли он тем самым в хулители креста Господня? Лучше самому сорас-

151

пинаться с ним и, страдая за него, прикасаться к его кресту, его любить? О люди, если бы в нас была сила любить крест друг друга, так чтобы все они сливались в один общий великий крест человеческий, он же и Крест Христов, легкое и сладкое бремя с Ним! Пречистая стояла у креста Возлюбленного Сына, сердце Ее проходило оружие, не было в мире большего страдания, но Она не рекла ни устами, ни в сердце: сойди со креста, освободи от муки. Она сораспиналась, Она — Матерь Его и Матерь всего человеческого рода. Дай же силу и нам не говорить в сердце своем этой греховной мысли, дай лобызать устами и душой всечестный Крест Господень и крест человеческий, врезающийся в дорогие, любимые плечи. Дай, склонившись под него, вместе нести его, вместе изнемогать с любимым...

10/23.III.1925

Смиряйся и покорствуй, учись смиряться, бей, нудь, три себя для того, чтобы принять тебе посылаемое, усмотреть в нем не случайность, не прихоть, но волю Божию и мысль Божию. Если кажется тебе: что онеправдали тебя люди, пусть не остается в сердце твоем заноза: усмотри в этом вразумление Божие, наказание Божие за твои

152

грехи, за твоя тайная, которые видит Бог. Храни мир души твоей, борись за этот мир, добивайся его как высшего сокровища. И если немирен дух твой — знак недобрый того, что нездоров он грехом или же находится в борении с искушением. Превозмогай любовию борющих тебя, старайся перенестись в их положение, в их состояние, понять их и принять, а тогда не нужно и прощать, ибо нечего и прощать. Ищи недосягаемости, невозмутимости не в гордости человеческой, но в мире Божием. Немирный немудр, несправедлив, близорук, но всякая победа над собой утверждает

человека. Это и сказано у апостола: обув ноги в готовность благовествовать миру.

11/24.III.1925

О, сладчайшее Имя Иисусово, премудрость и сила! Ты насыщаешь сердце мое, Ты укрепляешь ноги мои, Ты даешь мне мужество начать день сей пред Господом. О чудо молитвы, о чудо Божьего вездеприсутствия! Я зову Тебя, и Ты уже со мною в Имени Твоем, я ищу Тебя, и Ты уже в моем сердце и устах моих, я жажду Тебя, а Ты уже меня напояешь. О чудо чудес, оно чудеснее чудес мира, оно чудеснее солнца и звезд, земли и преисподней! Любовь Божия, любовь Христова, к

153

нам явленная, печатлеется в Имени Его и в крестной силе Его, меня и весь мир осеняющей. Неустрашимо вступаю в мир с этим орудием и, если пугаюсь, снова ощупываю его, что оно со мною, и снова иду далее. Имя, Кресте, сила Христова. Одень меня, облеки меня, сохрани сердце мое от помышлений лукавых, наложи на него замок от помыслов нечистых, запечатлей сердце мое перстнем обручения Твоего, о Женише, о Слове Божий, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, окаянного!

13/26.III.1925

Явление ангелов! Мы недостойны и маломощны к зрению ангельского мира, который нас окружает. С нами молится, с нами сослужит. Но по воле Божией отверзаются очи души нашей, и она слышит сердцем ангельский полет, она зрит ангельские крылья. И тогда она возлетает с ними гор%е! Тесен ей становится мир, непереносимо блаженство. В час смерти блаженная кончина праведников совершается от этого непереносимого восторга. Чистые души имеют это в%едение ангелов, они запечатлевают его на иконе иглою и кистью, они показуют нам видения, от которых трепещет душа наша. Как милостив Господь, что

154

посылает сюда, в сей мир, вестников об ином мире, не дает замкнуться и забыться в нем, но раз-двояет сердце наше и дает предчувствие неземных блаженств. Престол всегда окружают херувимы, чашу Христову они благолепно провожда-ют, и об этом говорит изображение херувимов на покровах. Но как редко, как скудно мы это знаем, и удивляемся великой радостью и удивлением, когда отверзается нам небо, и мы вдруг, в мгновение, на самом деле чувствуем близость ангельскую. От свечи загорается свеча, от сердца любит сердце, от души просвещается душа. Нужно, чтобы хотя где-либо загорелось

пламя, оно согреет и осветит тысячи. Сколь драгоценно оно, как должны мы любить и чтить Божиих избранников, которых Он посылает в мир возвещать Свою волю и свидетельствовать о Себе. Ужасаюсь и простираюсь пред тайной любви Божией, мудрости и милосердия.

14/27.III.1925

Незримо сеются семена добра и зла, и часто мы сами не замечаем, как мы друг друга искушаем, как острую занозу вонзаем в сердце ближнего, иногда отдаваясь своим страстям и похотям, иногда по неразумию. И каков сам, так и с тобой.

155

Иногда встаешь от сна с бременем в сердце. Лукавый искушает, рассеивает, мешает молитве, терзает недобрыми чувствами. Есть человеческое усилие воли отгонять искушение, но как слабы эти человеческие силы, но есть помощь божественная: заставь себя молиться о том, кто тебя ранил, искренно молиться, и, став перед Богом, ты не устоишь в недобром чувстве, оно рассеется, как дым, и станет ясно сердце твое. А когда *око* станет ясно, и все станет ясно, *светильник тела есть око, да будет же твое око светло.* И поистине мы смотрим на мир и жизнь разными глазами, с молитвой и без молитвы, до молитвы и после нее. Смиряй себя, побори свое греховное чувство, благожелай. Если не поддается, постарайся отвлечься и забыть, пока не остынет твое недоброе чувство. Но не унижайся до мелких и низких чувств, храни свое достоинство, ты создан по образу Божию, и сам ты — увы! — нуждаешься от всех в прощении и снисхождении. И больше всех, безмерней всех вина твоя не перед теми, которые тебя жалят или к тебе враждуют, но перед теми, которые тебя любят. О страшный и неоплатный долг, вина любви, скудость любви, себялюбие, бездарность любви, ее неблагодарность! Обрати свой взор на себя, отведи его от искушающего тебя, и плачь, плачь о грехах любви пред любимыми твоими, тебя незаслуженно, неблагодарного, любящими. И разве кто-нибудь может сказать

156

про себя, что он не должник в любви, что он любит так, как говорит ему его совесть? В час смерти, на Страшном суде увидим мы это бессилие и холодность любви своей и черствость, восплачем и ужаснемся, но поздно. Гори же, сердце; Боже, зажги его, зажги Твоею любовию, и в огне, как мусор, сгорят и попалятся все плевелы сердца, все его греховные занозы.

17/30.III.1925

Отъезд и путь дают чувство отрешения от привычной и сросшейся с нами обстановки, он подобен последнему пути, который предстоит нам. Потому всякая дорога волнует, одних огорчает, других радует, но всегда открывает в сердце источник новых чувств. Посему люди века сего пристращаются к путешествиям. Но и Истина сказала о Себе: «Я — Путь». В Нем и в жизни с Ним есть это чувство пути, это освобождение. Господи, да будет путь мой Путем с Тобою...

157

24.III/6.IV.1925

Блаженны есте, егда поносят вас Мене ради. Господи, пошли мне это блаженство. Дай мне радостно принимать испытания и напасти, которые Ты даешь мне претерпеть за Имя Твое. Дай мне чистую совесть и неколебимую твердость идти верным путем Твоего служения. Мужество есть терпение, готовность страдать, если нужно, и посылается страдание. Страх же есть стремление сойти с креста и освободиться от страдания под благовидным для себя предлогом. Это так естественно человеческому малодушию и себялюбию, что незаметно вкрадывается в душу. Проверяй себя нелицеприятно, в вере ли ты, в истине ли ты, не находишься ли в прельщении. Но если сего не видишь, и пока не видишь, работай Господу твоему, яко верный раб. Не суди себя по суду людскому. Бойся, чтобы все человеки не говорили про тебя хорошо. Самое опасное и подозрительное — успех, а самое расслабляющее и тлетворное — его жажда. И то, что невинно в юности, греховно в старости. Имей сердце бесстрашное и горящее и его принеси Богу твоему.

158

29.III/11.IV.1925

День судьбины Божией! кончина святейшего патриарха Тихона, избранника Божия. Осиротела русская церковь, осиротела русская земля, плачет безутешно, но да покоримся воле Божией. Она избрала его и поставила на свещницу, он указан был Материю Божией на великий крест, на безмерную скорбь, и он ныне отозван с своего поста. Непостижимы судьбы Божии, не ведаем, что означают дела Его, в трепете им покоряемся. Но как должны быть мы благодарны, как любить, чтить, хранить в сердце отца и печальника русской земли! Он прославил в себе народ свой в эту пору безмерного уничижения, он светил всему миру светом своего мученичества. И для меня, окаянного, он явился орудием величайшей милости Божией, ко мне явленной: он меня благословил на священство, он оказал мне высшее доверие, какое

может быть оказано, и в слезах лобызал я десницу, благословляющую отца моего. Господи, прими и упокой душу его в святых Своих селениях.

159

17/30.IV.1925

Нет ничего страшнее греха, это есть смерть души. Смерть входит и разрывает душу, мертвит. Еще вчера, накануне греха, ты был светел и целен и радостен, но грех разорвал твою душу, в ней пустота и одиночество. Нет одиночества, кроме как во грехе. Грешник один, он оставлен и сам оставил Господа, Которого он оскорбил, Его Пречистую Матерь, святых ангелов и святых угодников, своих любимых и близких, он пред всеми, всеми совершил свой грех, пред всеми — окаянный преступник. Он несет на себе тайну своего греха и его смерть. Грех — отчаяние и смерть души, смерть вторая. Все радуются, а грешник окружен кольцом своего греха, его эта радость мучит; все светятся, а в нем свет этот есть тьма. Так будет после Страшного суда Божия: то самое блаженство и радость и свет, которое будет ликованием праведников, оно именно будет сковывать и казнить окаянных грешников. И опыт этой адской муки дается здесь, в этой жизни, немедленно после греха, в плену греха. Окаянный грешник осужден не внешним судом, не повелением Бо-жиим, а самим грехом, самим собою. Адские муки — это *сила* греха в тебе самом, это — стыд, нестерпимый стыд греха, стыд обмана, стыд поругания святого, близкого, дорогого. Господи, спаси Ты грешника от отчаяния, дай покаяние, дай

160

плач. Недостоин воззреть к Тебе, к Тебе обратиться, недостоин этого солнца, этой земли, этого Твоего творения, которое собою омрачает грешник, недостоин близких, любимых, всех людей, обманщик и вор. Но Ты — любовь, Ты пришел грешных спасти, спаси же грешника от отчаяния, спаси, как Ты можешь и хочешь сам, не дай погибнуть созданию Твоему.

18.IV/1.V.1925

Грех есть смерть, смерть вторая, смерть вечная. На грешнике печать отвержения Божия. То, что есть источник радости и любви для праведников, есть для грешника тьма кромешная, в которую сам он себя ввергнул, сам себя осудил. В грехе человек узнает всю силу над ним вечной гибели, неотвратной, непобедимой никакими человеческими силами. Но и этих сил нет. Ибо грех — пустота, бессилие, смерть. Еще недавно двигался человек, радовался жизнью, радовался силе, кипевшей в нем, а теперь он

мертв и пуст. Каков был ужас первородного греха, когда вдруг увидели себя люди из любимых детей Божиих отверженными преступниками, и Отец предстал пред ними как Праведный Судия, и не могли они вынести зрака Того, Кого оскорбили грехом, скры-

лись в чащу. И этот опыт первородного греха повторяется с каждым человеком, когда он грехом оскорбляет Бога, Пречистую, святых апостолов, человеков, и из них самых близких и дорогих, и больше всего тех, кто его больше всего любит и доверяет. Пусть никто в мире не знает о твоем грехе, но знает и видит Бог всемогущий, и на Страшном суде *все,* все узнают и увидят твой грех. Какое страшное разочарование и горе постигнет их тогда, когда они увидят, что тот, кому они верили и любили, обманщик и смердящий грешник. Но в свете лица Божия спасутся они от того отчаяния, от разочарования, в которое впадут неизбежно, если сейчас грешник исповедует пред ними грех свой. Грех есть Каиново клеймо, проклятие. Он всего и всех лишает, он страшнее смерти. Нет ничего страшнее и лютее греха. И если бы Господь в неизреченной любви Своей не подал руку помощи, не влил в душу грешника силы прощения, погиб бы в отчаянии грешник. Плачь, плачь, несчастный, омывай слезами раны свои. Зная, что тебя окаяннее нет человека, что сквернишь землю, на которой ты ходишь. Не для тебя она создана, если ты растлил себя грехом твоим. Но еще больший грех — отчаяние. Господь милосерд. Господь может *простить* грех, Он не может примириться с ним, но Он может сделать бывшее небывшим, омыть Кровию Своею. Он может восстановить разрушенную ткань ду-

ши твоей и мертвого воскресить. Он за тем и пришел в мир, чтобы падших восставить. Господь ведал слабость твою и греховность твою и ради нее оставил небесный престол Свой. Господь на кресте страдал за тебя и за твою скверну, дабы тебя спасти от отчаяния и гибели. Господь слышит каждый вздох и видит каждую слезу. Ты ранее падения не знал силы греха в себе, ты был горд праведностью своею, которая была только неискушенность. Теперь ты смирился, потому что познал свое ничтожество. Теперь ты понял, как безмерна жертва любви Божией, когда увидел, ради чего она приносится, когда увидел и свой грех в Гефсиманской скорби Его, до кровавого пота, и себя в числе Его мучителей и распинателей. Не оскорбляй же теперь любви Божией неблагодарностью и неверием. Надейся на милость

Божию, ибо Бог возлюбил тебя ранее создания. Ей, глаголет Господь, яко не хощу смерти грешника.

21.IV/4.V.1925

У одра умирающего и тяжело больного познаешь суетность жизни и ее безмерную серьезность, когда с смертной тоской бьется и мучится больной, борясь между надеждой и отчаянием, он постыждает и смущает собой здоровых, кото-

рых так же — рано или поздно — ждет этот час тоски и последней серьезности, последней ответственности. Здесь уже нет стены между временем и вечностью, между Богом и человеком, стены, которую воздвигает наше легкомыслие и беспечность. Здесь место молитвы, ухода к Богу, а не судорожному цеплянию за сегодняшний день и этот момент. Господь дает священнику силу и власть становиться у этого одра, утишать эту тревогу и давать ему истинное и последнее утешение — отпущение грехов и тело и кровь Христову. Больше этого ничего нельзя дать и большего этого также нельзя дать. Непостижимы пути Божии. Господь всех равно любит, и этих больных и умирающих, как и здоровых. Но непостижимы нам здесь пути Божии. Нужно иметь подвиг веры утешающему этим, потому что иначе это будет отговорка, леность души. Нужно в свою душу принять и эту скорбь, и это страдание. Но это совершил только Сын Божий в саду Гефсиманском, Который принял в Себя всякую слезу и скорбь. И призвал по образу Своему творить священников, к этому часу призванных. О, Господи, в борении Гефсиманском молящийся, дай нам, священникам, служителям Твоим, приобщиться этого Гефсиманского подвига, страдать вместе с страждущими детьми своими и давать им не камень равнодушия, но истинный хлеб Христова утешения и сострадания. Немо-

щен человек для подвига сего, но дает Господь благодать священства и дары ее.

22.IV/5.V.1925

Из глубины воззвах к Тебе, Господи! В смятении сердце мое, бессильна душа моя, изнемогает тело, нет мне утешения в грехах моих, в немощи моей. Ранее смерти смерть входит в душу и тело мое и разделяет их. И, бессильный, со дна адова вопию Тебе, Господи, — помоги, укрепи, Ты еси Бог, творяй чудеса. Я окружен чудесами любви Твоей, и больше всех чудес — сердце любящее. Как взыскан я любовию человеческой, как взыскан я любовию Твоею. И вдруг я сам себе кажусь опустошен и наг! Освободи

меня, Господи, от малодушия, от смятения, от маловерия. Дай мне хотеть все от Тебя, для Тебя и ради Тебя претерпеть! Благословляю крест Твой, лобызаю десницу Твою, меня ведущую, весь вверяюсь Тебе, отдаю Тебе всю свою душу, волю, помышление. Дай мне умереть для себя, дай, чтобы ничто личное и преходящее не омрачало мира души моей, дай мне быть достойным любви Твоей. Солнце мое, Бог мой, Утешение мое, сладчайший мой Иисусе, не оставь утопающего раба Твоего, ничего в нем своего не осталось, кроме немощи, весь я, как со-

суд, хотя и грязный, но ничем не наполненный, жаждущий исполниться вод Твоих. Исполни меня, залей, зажги, возрадуй, дай мне зреть Тебя, знать Тебя, любить Тебя, Иисусе мой сладчайший, сладчайший мой Иисусе!

23.IV/6.V.1925

О чудо милости Божией! Вчера еще было смятение, а ныне тишина и мир от начальника тишины и подателя мира Господа нашего Иисуса Христа. Господь благодатию Своею исполняет душу, заливает ее Своим миром и светом и радостию, и душа упокоивается в объятиях Отца. Какое это громовое потрясающее чудо помощи Божией, которого только мы обычно не замечаем, но которое непрестанно совершается над грешной душой. Горячая молитва, благодатная встреча, помощь друга, который иногда, даже в большинстве случаев, и не подозревает, что он является орудием помощи Божией, и в душе наступает покой, и среди разъяренного моря душевного, захлестывающего своими волнами, приближается Господь и говорит: маловере, почто усомнился еси? И после греховного смятения чувствуешь снова опору, твердую землю, чувствуешь благую уверенность в себе и приток сил, не безумную человече-

скую самоуверенность, но новый опыт и знание, что Господь близ. Он видит и слышит и знает, и Ему в твердую руку надо предать себя. Не нужно бояться: страх есть грех и может быть смертным грехом. *Не нужно бояться* ни внешних трудностей, ни даже своей собственной слабости и немощи, которые узнаешь во всей их неумолимости в жизни своей, ибо всесилен Господь — помочь, вразумить, укрепить. С нами Бог! Слава Тебе, слава Тебе, слава Тебе, спасающему человека от малодушия, трепета и растерянности. О чудо милости Божией, о благость!

24.IV/7.V.1925

Невозможное человеку возможно Богу. Если непосильная для

тебя трудность легла на душу твою, если смущено сердце твое и тревожна совесть твоя, возверзи печаль твою на Господа, и от Него ожидай помощи в трудности твоей. Не поддавайся малодушному унынию, нет силы, которая бы превозмогла благодать Божию. И молись горячо, беззаветно молись, верь, что молитва твоя пробьет каменную стену, воздвигшуюся вокруг тебя — твоим ли грехом, или другими причинами. Господь ведет тебя к неведомому и не-вместимому благу, все трудности, которые встре-

чаются на пути твоем, кроме греха, суть ступени, ведущие к Богу, к радости нездешней. Но и здесь, еще в земной оболочке, оглядываясь назад, ты видишь, как ты поднялся, насколько воздух стал реже, вид шире, но как страшна глубина, которая угрожает падением. Не поддавайся страху, даже страху безысходности, отовсюду есть исход на крыльях веры, на крыльях подвига и озарения. Господи мой, Господи, Тебя одного люблю, Тебя одного хочу любить, Тебе служить, научи мя тво-рити волю Твою!

25.IV/8.V.1925

Аз есмь хлеб животный. Господь есть жизнь и дает вкушать Себя верующим ежедневно и ежечасно. День от дня жизни подается хлеб сей, и мы радуемся и живем о нем. Хлеб сей — Господь, подающий Себя в святом причащении, в молитве и в св. Имени Своем. Ведай всякий молящийся и призывающий имя Его сердцем твоим, что ты причащаешься и в сем святом Его Имени, ты вкушаешь хлеб животный силою этого призывания. Он в тебе пребывает, и ты в Нем. Не мерою дает Бог Духа Своего, и есть причащение тела и крови, но есть и причащение Имени. Ибо молитва всегда есть соединение со Христом, в котором

входит в нас сила Христова. О, сколь благ Господь, давый нам молитву, давый власть призывать Имя Свое и явивший Имя Свое людям, и Имя это есть Господь Иисус Христос, глаголющий о Себе «и сказах им Имя Твое». Это Имя, привнесенное впервые ангелом-благовестите-лем, есть сила, которой мы движемся и живем и есьмы.

26.IV/9.V.1925

Господи! Как возблагодарю Тебя за милости Твои! Меня, утопающего в грехах, Ты снова воззвал к жизни, даешь предстоять пред Тобою, звать сладчайшее Имя Твое, молиться Тебе, благодарить Тебя. Меня, которому место лишь в глубине адовой, отверженному Тобою и людьми, Ты милостиво допускаешь к

стоящим вокруг Тебя, Ты не низвергаешь в погибель. Ты даешь надежду спасения и покаяния. Как мне благодарить Тебя, Господи, за долготерпение Твое к моему окаянству, за то, что Ты дал мне вот эту молитву, в которой призывал я скверными и нечистыми устами Имя Твое, и Ты обвеваешь сердце мое радостью присутствия Твоего, милостью снисхождения Твоего. Изнемогает душа моя пред милостью Твоей, что я реку? Ты вся веси, Ты веси скверну

169

мою, и Ты не гнушаешься мной, Ты позволяешь мне молиться Тебе, воздевать сердце мое к Тебе, именовать Тебя. Как снесу я это, что сделаю? Научи меня любить Тебя, научи меня сжечь себя на алтаре любви Твоей, сожги в нем грехи мои, сожги память о них, чтобы не лежали они черной тенью на моем пути к Тебе. Зане Тебе возжада душа моя. И каждый день жизни есть новое чудо милости Твоей, новое откровение, новое изумление, новое изнеможение от удивления и благодарности сердца моего. Господи, я прах пред Тобою и пепел, но не изжени меня; дай мне дожить и умереть неразлучно с Тобою, дай мне до конца зреть пресветлый зрак Твой, не отрини мене от лица Твоего.

28.IV/11.V.1925

Господи, из всех чудес Твоих нет чудеснее сердца человеческого, пламенеющего Тобою, Тебя возлюбившего. Ты сотворяешь и претворяешь миры манием державы Твоей, и они Тебе послушны, как глина в руках горшечника. Они славят Тебя бытием своим, но не волей своей, и только сердце человеческое славит Тебя потому, что Тебя любит, Тобою живет, Тебя ищет, Тебя хочет. Как бы ни был слаб и немощен человек, но

170

он Тебя взыскует, для Тебя создан, Тобою пламенеет. И, зря душу, Тобою пламенеющую, зажигаешься ее пламенем, как свеча от свечи. От одного светильника Твоего тысячи воспламеняются и спасаются, о Господи! Как благодарить Тебя за лицезрение оных светильников, которые Ты даешь зреть моему иерейскому взору, за эту пока-янность, чистоту, кротость, терпение, любовь, веру, которые Ты мне показуешь в сердцах верных Твоих. Среди греха, уныния, бессилия и холодности поднимаются к Тебе эти пламенники, которые светят миру и над миром. Как низко ни пал человек, но в сердце своем он ничего не хочет, кроме святости, ничего не любит, кроме святости, ничего не чтит, кроме святости. И если она ощущается в создании Твоем, то сердце наше изнемогает от восторга и любви. О чудо творения Божия, которое

всегда совершается, движется, горит и сверкает своими огнями. Им в сердце оживают и исполняются силы слова: дивен Бог во святых Твоих, Бог Израилев!

29.IV/12.V.1925

Чудеса всегда бывают, и прежде и ныне, и каждый человек, внимательно смотрящий в жизнь свою, знает ощутительную силу Божию и

171

дела святых Его. Нет нужды, что бывает это иногда силою стечения естественных обстоятельств, сердце узнает руку Господню, помощь святых Его. Сколь взыскан я, недостойный, чудесами милости Божией, вся жизнь моя есть соединение чудес Божиих. Но как трудно быть достойным чудес! Как трудно их сохранить в сердце своем и спасаться ими от уныния в дни испытаний. Пред каждым новым чудом милости Божией мы ответственны своей свободой, мы должны возблагодарить Господа каким-то делом, какой-то победой над собой, достижением. Ибо чудеса суть «знамения» Божии. Они даются нам не для того, чтобы удовлетворить нужду нашу, но для того, чтобы удовлетворение ее пришло от Господа, а не от человека, чтобы научались мы предзреть и любить Господа выну. И прежде всего наш долг — *верить чуду*. Оно приходит, приемлется, и мы начинаем его *объяснять* естественным стечением обстоятельств. Как будто для неверия нашего, если и мертвый восстанет из гроба, и это не окажется стечением обстоятельств... Такое неверие и неблагодарность есть сугубый грех пред Богом. Нужно возгревать в себе веру так, чтобы и всю жизнь свою видеть как ряд чудес, в свете совершившегося чуда. Если бы мы умели внимать себе, то не только в удовлетворении нужд своих («ядо-ша хлеб и увероваша»), но и в каждом движении своей души, освященном любовию к Богу и

172

ближним, мы видели бы руку Божию. Кто Бог ве-лий, яко Бог наш, ты еси Бог творяй чудеса!..

3/16.V.1925

Учитель, утопаем! Бывают искушения, претерпеваемые душой, идущей к Богу. Враг ярится, чтобы смутить ее, ввергнуть в уныние и отчаяние, запугать. Мятется и страждет душа. Где мир, где надежды, где молитва? Отовсюду смотрит в душу мрак, холод, безвкусие. Ничего не любит душа, ничего не хочет, ничего не может, ничего не надеется. Она скована сатаной и не видит своих оков. Она в порыве отчаяния своего повторяет клевету

клеветника и клевещет на себя. Есть покаяние и покаянное самоукорение, и есть уныние и малодушный испуг перед грехом. И когда находит этот вихрь, кажется, что нет силы с этим бороться. Однако это только запугивание врага, который не имеет силы против созданий Божи-их. Ему попущено для испытания и для укрепления мучить любимые создания Божии, как попущено было мучить Иова. И надо устоять на ногах и сказать клеветнику: отойди от меня, сатана! Терпение и молитва, надежда и вера, кротость сердца — вот та защита, которая остается изнемогающему. Чем тяжелее и труднее, тем ближе к

173

великому свету. У пустынножителей был этот особый час, когда мучил их бес полуденный, когда этих подвижников посещала тоска и изнуряло безвкусие к жизни и подвигу. Тогда — учат отцы — надо пребыть этот час в келии, надвинув куколь, *протосковать в терпении* и уединении, дабы не соблазнить брата своего унынием своим. Ибо в сердце каждого гнездится змея уныния, и каждый, видя в другом и узнавая того же страшного зверя, смущается им и устрашается вдвойне. И тогда кажется, что нет исхода, что стоишь перед стеной, что погружаешься во мрак. Но претерпи, брат мой, взывай неотступно, хотя и оледеневшими устами, к Господу твоему, зови Его на помощь, дабы Он явил тебе чудо милости Своей. И Господь явит *чудо:* рассеет мрак души, как после восшедшего солнца, растает стена, и опроз-рачнятся тупики и рвы, которые воздвиг сатана. Иисусе, Сыне Божий, помилуй нас!

5/18.V.1925

Изнемогает душа моя от благодарения Тебе, Богу моему. Ты даешь мне новый день жизни, новую запечатанную книгу нераскрытых возможностей, в которой мне повелеваешь написать имя свое, мне вверяешь войти неизгладимо в Твой

174

мир, в Твое творение, Ты даешь мне сию молитву, в которой омывается душа моя и облекается Именем Твоим, и Ты даешь мне любовь и любимых моих, о которых, лишь при мысли, трепещет радостью моя душа. Что реку? Изнемогает душа моя. Она немощна во всем, немощна и в благодарении. Может быть, всего недоступнее для грешного человека благодарить, из 10 один лишь благодарил, «и той бе самарянин», не от закона, а от благодати. И надо молить Господа о благодати благодарения, о которой повседневно молит церковь в божественной евхаристии. О как мы возблагодарим Бога за сей божественный дар —

божественной евхаристии на всякий день. Как дышим, как вкушаем пищу повседневно, так земля приносит каждодневную жертву Богу и Создателю своему Его же божественного Сына, паки закалывающегося за нас. И каждый день, каждое утро должен христианин, если он не может в тот день присутствовать при евхаристии, благодарить Господа о ней, что она дана, есть, приносится. О блаженство жизни, данной Господом и освящаемой Именем Господа, о радость молитвы, о горечь слез покаяния, о любовь, данная Господом, о жизнь, текущая от источника Жизни, о Душе Святый, всеживотворящий. Благодарим Господа!

175

6/19.V.1925

Тайна духовной жизни — в ее неисчерпаемости и всегда новом творчестве. Нам, людям, отягченным заботами века сего, не постигнуть дара отшельничества и пустынножительства, при котором человек живет только в духе, отрешившись от силы внешних впечатлений. И со стороны может казаться, как бедна, пуста и однообразна его жизнь, и дивно, как можно ее выносить. Так же и относительно монастырской жизни, кажется мирянам, что она тягостна именно отсутствием впечатлений. Но так может казаться только до тех пор, пока в собственном духе не забил источник воды живой, бегущей в жизнь вечную, пока не затеплилась утешающая молитва, пока не обрел человек сокровища души своей, в Боге живущей. Возьмите образ дружбы духовной. Разве когда-нибудь истощается ее слово, разве когда-нибудь оскудевает ее радость и утешение? Она таит в себе и раскрывает все новые богатства и, радуясь, изумляется этому богатству. Но всякая человеческая дружба есть только отсвет единой дружбы Бога с человеком, которого Он назвал другом своим («вы друзья Мои»), и союз душ есть образ того, что есть Церковь Христова. Брак есть союз во Христа и во Церковь, союз плоти и духа, но и всякий духовный союз душ, их общение в Боге, совершается во Христа и во Церковь, ибо творится

176

силою Христовой. Мы не верим до конца глаголам Христовым о том, что Он дает воду, текущую в жизнь вечную. А если бы верили, то не дивились бы тому, что в духе своем обретает человек все сокровища, если только этот дух свой обретет, и в нем — дар Святого Духа.

8/21.V.1925

Только любовь дает мудрость, только любовь дает прозорливость, только любовь дает прощение. Любящий получает

способность смотреть на другого из него самого. Нас отделяет друг от друга стена себялюбия, своезаботливости, своекорыстия. Наш взор затемняет пристрастность нашего суждения и в %идения, мы всегда, думая и о другом, имеем в виду себя, чувствуем себя, но не его. Надо почувствовать его самого, и тогда откроются очи наши. И опытом любви дается этот опыт мудрости, в%едения другого, близкого своего, друга своего. Бог дает нам это чудо любви, дабы наша жизнь непрестанно обогащалась ею, в Бога богатея. Когда ты испытываешь щемящую тяжесть и сухость на сердце, когда твои пристрастия застилают тебе духовные очи, старайся выйти из себя, молись, слезно молись Господу о любви, о том, о ком болит душа твоя, кем она ранена.

177

И Бог даст тебе в ответ на твою молитву крылья души, растает вся твоя тягость, и ты обретешь радость и блаженство любви. Любовь не ищет своего, она бескорыстна; единственная корысть, которой она хочет, это чтобы благо было ближнему твоему. Если любовь твоя своекорыстна, то она не любовь, в ней еще крепко твое себялюбие. Воспитывайся в любви к любви, неси труд любви, подыми крест любви, и он станет тебе все легче и радостней. В этом и есть тайна и сила креста, сила кротости и смирения Христова, делающих иго благим и бремя легким. Ты увидишь болезнь любви твоей и движение сердца твоего: если оно легко и ясно и радостно, полно радости любви, значит, свободно оно от приражения себялюбия, но если оно омрачено, обижено, значит, оно больн%о, сердце любящее не знает обид, оно не только прощает их, но оно их просто не чувствует. Учись любить, трудись в любви.

10/23.V.1925

Дела праведника идут за ним. После кончины их открываются их святые мощи, они живут в них с нами, делают чудеса, слышат молитвы и любят, любят, сердце их разгорается как пылающий костер и за гранию смерти, и они восходят

178

от славы в славу вечного живота. Но мы — окаянные грешники, ведь и наши смрадные дела идут вслед за нами. Они неизгладимы в книге судеб, но они продолжают дело свое и за гранью человеческой жизни. Они входят в общечеловеческие судьбы, в историю всего человечества, от каждого из нас зависит судьба всего мира, нельзя отстраниться ни от участия, ни от ответственности, и до конца человеческой истории продолжаются наши дела; потому Страшный суд будет одновременно над всем

человечеством, и каждый прожил жизнь всего человечества, каждый из сынов Адама есть весь этот ветхий Адам. И не только то, что мы сделали, хорошо или плохо, но чего не сделали или недоделали, от этого зависят судьбы всего человеческого рода в его истории, и мы продолжаем жить этой жизнью и за гранью смерти. Вот почему предварительный суд по смерти есть суд нас в нас и нашей непосредственной среде, но последний суд есть суд нас во всем и со всеми. Если бы у нас была серьезность в каждом часе жизни сознавать, что он принадлежит всем, хотя и вверен нам, мы не имели бы способности так терять время жизни, не чтить его, но иждивать в лености. Потому так страшен час суда Господня, так изнемогает в трепете пред ним душа, что не только все на нем раскроется всем, но и нам самим раскроется жизнь наша во всей ее силе и немощи, во всем объеме своем, и будем мы

179

вопиять: о если бы горы свалились на нас и камни закрыли нас от стыда нашего и праведного гнева Божия? Боже, милостив буди нам, грешным!

13/26.V.1925

«Любы не ищет своего». А мы всегда ищем своего и себя даже в любви. И только благодать любви освобождает нас от нас самих. Можно приносить жертвы, поступаться своим, но все-таки в основе искать и хотеть своего, как бы ни было это свое возвышенно и тонко. Но закон любви: да отвержется себя. Нужно хотеть в любимом и для любимого только того, что ему нужно, а не тебе хочется, нужно распинать себя в любви, отсекать свою волю, отречься себя... Это крестный путь любви, без которого она не может созреть и принести своего плода. Почему же Господь от каждого требует крестного пути во след Его? Почему Он возлагает такое, как будто непереносимое, бремя на наши плечи? Потому что без этого огненного испытания любовь не родилась бы в нас, не сознала бы свою силу, свою окрылен-ность, свое бесстрашие. Совершенная любовь побеждает страх жертвенности. Совершенная любовь *на все готова* ради любви, ибо она знает се-

180

бя и знает свою вечную природу. Но от человеческой любви — которая обычно представляет неразличимую смесь себялюбия, страсти, прираже-ний с чистой любовью — долгий и трудный путь ведет к победе любви в любви. Долог и мучителен этот путь для человека, но каждый шаг в нем, внутренне оправданный, вознаграждается. Любовь — это талант, который непрестанно

умножается, если отдается в рост любви и не полагается в землю. О Боже, укрепи слабое сердце, побори изнеможение. Ты видишь сердца наши. Твоя воля да будет!

17/30.V.1925

Как бессильно сердце благодарить и как хочется благодарить, как нужно благодарить — благодарить до конца, до глубины, до изнеможения! Когда зришь милосердие Божие и дары Божии, на тебя изливаемые, хочешь, чтобы вся душа стала гимном хвалы, но немощь естества, сила греха сковывает сердце, связывает уста, и хвала замирает, не прозвучавши. Какою радостью является для себя самого это благодарение, это предзрение Господа выну! Но и благодарить мы можем только в меру своей силы, как мы живем, так и благодарим; если живем тускло и сонно, ес-

ли хладна и леностна наша молитва, то нет у души и крыльев для благодарения. А на этих крыльях легче всего и прямее всего уносится душа к Господу. В благодарении радость, любовь, но и мудрость. Не может быть черств сердцем благодарящий, не может быть горд и надменен, ибо дар Божий показует ему его собственную пустоту и немощь без этого дара. Благодарение родит покаяние, ибо зришь себя недостойным этого дара, и оно же родит и смиренномудрие, и кротость, ибо знаешь, что дар, даром данный, может быть и отнят, и преклоняешь себя под милосердную десницу Божию. О как нужно, как важно возгревать в себе дар благодарения, ибо сим путем восходим мы к любви Божией, сим путем восходим к непрестанной молитве и радости. Ибо соединил апостол в заповеди: всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите.

19.V/1.VI.1925

Господи, Ты даешь радость, радость совершенную. Не вмещает сердце мое радости Твоей, хочет излиться и растаять в ней. Небо в душе человека, звезды и солнце в нем ходят, и Господь обитает. Какая ширь, какой простор, какой свет! И изнемогает сердце от благодарения. Господи,

мой Господи! За что воздаешь Ты мне, за что являешь мне любовь Твою? Я червь пресмыкающийся, ничтожество из ничтожеств, исполненный смрада, греха и себялюбия, и Ты приходишь ко мне и даешь мне любить любимое создание Твое! Но Ты, Господи, выну дееши туне — аще беззакония назриши, кто постоит! Безмерно Твое милосердие и безмерно Твое снисхождение. И верю и знаю, что не возгнушался Ты

ничтожеством моим и явил мне милость Твою. Но помоги мне — не явиться достойным, ибо никогда не буду я достоин милости Твоей, — помоги мне стать на путь исправления, начать покаяние, возлюбить подвиг Твой и возненавидеть плоть свою. Яви мне и эту милость, дай мне сердце люботруд-ное, ибо сластолюбец я в жизни своей. И никогда, никогда за всю долгую жизнь свою не подъял я никакого, даже самого малого, труда ради Тебя. И знаю, что все, что делает человек с собою и над собою, он делает с другими и для других для всех, и больше всего для тех, кого Господь дал ему. Ты даешь мне зреть небо в душе моей, дай мне сердце, дай мне волю поработати Тебе и возненавидеть себя во Имя Твое.

183

22.V/4.VI.1925

Странники есте и пришельцы. Всегда, когда нам приходится расставаться с насиженным местом, испытываем мы скорбь об этом месте, и чувствуем, что к нему прирастаем. Здесь есть и доброе чувство благодарности, живого общения с нас окружающими. Но здесь есть и плен ему, и милость Божия в том, что Он не дает привязываться к месту. Нужно быть свободным странником по земле, чтобы любить ее свободной любовью. *Господь был странником,* Он не имел где главы преклонить, не имел ни дома, ни «язвины». Но Он во всем явил образ совершенной жизни, и в этом также указал нам меру и образ. Господь имел родину и любил ее человеческой любовью, любил и Иерусалим, однако никогда не задерживался в одном месте ради любви только к этому месту. Это не безразличие, но любовь совершенная, и потому — высшая свобода. Так же шли и святые апостолы, которые расстались со своей родиной, любимой ими пламенной еврейской любовью, и пошли во все концы вселенной. Благодарение Господу, что Он дает познать и муку, и сладость этого отрыва и этой свободы. Мы не были бы гражданами *Его* мира и Его земли, если бы оставались только гражданами своей земли. Мы не чувствовали бы над собой *всюду* этого не-

184

объятного, этого Божьего свода как Отчего дома, отверстого для всех нас. Мы не знали бы, что мы сами, каждый из нас таит эту возможность — быть просто человеком, сыном Божиим, живущим среди братий-людей, если бы всегда оставались окружены своими соплеменниками. И в Царствии Божием будет эта великая радость о всяком народе под небесами. Господи,

благодарю Тебя за пути изгнания.

23.V/5.VI.1925

Нет крупного и мелкого в человеческих отношениях, все значительно и способно повлиять на душу человеческую. Мы способны иногда явить великодушие в том, что мы считаем крупным, но в мелочах бессильны: раздражительны, капризны, непостоянны. Старцы испытывают меру духовного возраста, подставляя разные раздражающие мелочи, и только испытанные претерпевают без раздражения. Некрасиво быть мелочным и неприятно видеть себя некрасивым. Но дело не в некрасивости, а в этом свидетельстве о душе своей, которое ее обнаруживает. Так велико не-терпеливство твое, что и малого, пустякового испытания не может и не хочет она выдержать. Это — слабость любви, а со слабостью надо бо-

185

роться не на жизнь, а на смерть, потому что нельзя быть слабым, грешно быть слабым, когда можешь быть крепким, укрепляться, к чему зовет апостол. Не щади же себя, если ты проявил мелочность, раздражительность, нетерпение — ты проявил свою греховную слабость и необузданность, ты проявил слабость любви к Богу. Ты был нем%ирен. Но мир есть высшее сокровище души; душа немирная не может любить и хвалить Бога.

29.V/11.VI.1925

Люди живут завтрашним днем, все свое дорогое, все свои надежды в него перелагают, а есть только день сегодняшний. Сегодня уже *дано* нам Богом, как неизживаемая глубина, как источник всех возможностей, в сегодня надо обретать все, ибо в нем оно заключается. Люди живут *будущим,* они лелеют это будущее, мечтают о нем, ждут от него того, что им не дается ныне. Но это — неверное чувство: уже все дано и только надо находить. В каждом миге времени, в каждом настоящем дне содержится жизнь вечная, и в меру приобщения к ней открываются неисчерпаемые возможности, и исчезает мираж и самообман будущего. Надо искать не будущего, но вечного настоящего, жизни вечной. Такова мудрость Церк-

186

ви, такова мудрость подвижников. И тогда все переносится с исполнений, от нас не зависящих, на *подвиг* нашей веры, нашей жизни, нашей любви к Богу. Ожидающий будущего невнимателен к настоящему, его очи всегда отведены от того, что единственно дано нам, он становится *мечтатель* в плохом смысле слова.

Главное же — что он ожидает с собой внешних происшествий и событий, между тем как человеку дана лишь сила внутреннего становления. Мечтательность ослабляет силу подвига. Нет будущего, ибо в настоящем и будущее есть только настоящее, но в настоящем *все* дано, что в будущем, если только хотеть его взять. Скажут: *есть* будущее, ибо и о Духе Святом сказано, что*грядущее* возвестит нам, ибо и обещаны последние судьбы мира, и светопреставление, и суд. Да, но все это грядущее для нас есть уже настоящее, поскольку дана нам вся *полнота,* все нам открыто, ко всему указан путь. Не может быть ничего грядущего, что не было бы уже в настоящем, иначе это вредные самообманы. Посему: всегда молитесь, непрестанно радуйтесь, о всем благодарите.

187

30.V/12.VI.1925

Всегда радуйтесь, говорит апостол. Он говорит о радости благодатной, о радости о Господе. Но, еще прежде ее, нужно хранить и поддерживать в себе бодрость и свежесть душевную. Человек носит в себе семя смерти и уныние, упадок подстерегает его на каждом шагу его жизни. Они для него естественны, хотя и греховны. И против этих недугов нужно иметь в себе бодрость, нужно накоплять ее запас, умножать в себе силы жизни, не для того, чтобы ею пользоваться для себя и своего удовольствия, но чтобы отдать ее Богу. Эта бодрость есть естественное преддверие радости о Господе, к которой мы призваны, ее отсутствие закрывает окна души черным цветом уныния. Эта бодрость может быть искусительной, если она сама собой ограничивается (о, сколь многие духовно мертвы благодаря разным причинам), но не тем, кто носит в себе запас бодрости; и для них полезно даже уныние и упадок, чтобы освободиться им от самодовольства и взыскать высшего, чем простая бодрость. Но как, упражняя душу, мы не должны оставлять и тела, и есть долг труда тела, так же как и труда духовного. Равным образом, восходя к духовной жизни, мы должны покорять, смирять и воспитывать душу, которая не должна вечно колебаться между борющимися настроениями, но должна быть легка и бодра. Душа

188

должна быть в послушании у духа и не колебаться, подобно морю. Не стоическое спокойствие, но христианская стойкость есть ее здоровье.

31.V/13.VI.1925

Господи, благодарю Тебя за молитву, за то, что Ты дал нам

Имя Твое великое и страшное. Каждый день утро начинается чудом молитвы, из Царства полубытия мы снова возвращаемся пред лицо Божие и, становясь перед Ним, просим Бога о помощи и благословении и славим и благодарим Его.

Вся жизнь наша погасла бы и потемнела без этой молитвы, смерть вошла бы в существо наше и поглотила. Мы меньше всего умеем ценить те блага, без которых мы не можем жить, таков воздух, солнечный свет, земля родимая. И мы не отдаем себе отчета, не видим, как все наше существо строится молитвой и спасается ею. Зачем же так хладна, так поспешна, так нерадива наша молитва? Отчего мы оскорбляем Бога и себя самих своей холодностью и духовной ленью? Трудись, не ослабевай, упорствуй в молитве, и она сама будет помогать тебе, сладчайшее Имя Божие как мед будет в твоих устах. Господи, научи нас молиться, дай волю к молитве, внуши к ней любовь!

189

2/15. VI. 1925

Бывает, что застилает очи забота. Тревога о жизненных трудностях овладевает душой, и тогда пуста она — бедная душа не принадлежит себе, но представляет волнующуюся зыбь. Кажется, что надо устранить беспокоящие вещи, и все станет на место, но на самом деле надо, чтобы они перестали беспокоить, ибо они не должны иметь силы над душой, знающей хождение пред Богом. Старайся достигнуть, чтобы сохранить безмятежный дух, и тогда сами собой исчезнут и рассеются искушения. А это бывает, лишь когда *искренно* и совершенно себя предашь в волю Бо-жию. Способность отдаваться этим волнениям есть мера возраста. Смотри, как слабо и неглубоко в тебе кажущееся иногда столь глубоким духовное устроение, мир духовный, если он может быть нарушен любым пустяком, повседневностью. Как стыдно, как грешно малодушествовать, оскорблять Бога многопопечительностью, чрезмерной впечатлительностью, маловерием. Из мелочей составляется крупное, не давай же врагу бить тебя по мелочам, мужайся и отражай его щитом веры. Будь мирен, и тогда будешь мудр.

190

3/16.VI.1925

Вера без дел мертва есть, так и любовь — без труда и терпения. Любовь есть терпение, хотя терпение и не есть еще любовь. Любовь созидается терпением, которое есть жертва любви и труд ее. В сем грешном мире различие между людьми есть и противоположение, из которого возникает трение. Чем

ближе сходятся люди, тем чувствительнее становятся они к взаимному трению, и потому терпение всегда остается на страже любви. Нетерпеливость и нетерпение ослабляют, охлаждают любовь, ибо они от себялюбия, себяутверждения. Терпение научает самой силе любви, перенесению себя в другого, своей жизни—в жизнь этого другого. Любовь венчается радостью, и в радости нет терпения, нет жертвы, но без силы ее нет и истинной радости. Посему и сказано: терпением спасайте души ваши, и пре-терпевый до конца спасен будет. Терпение есть испытание, свидетельство любви нашей к Богу, которая также не должна быть даровой и тунеядной. И Божия любовь к нам есть долготерпение. Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив!

191

4/17. V I.1925

И бысть тишина велия. Нужно, чтобы тобою чтомое дневное Евангелие являлось неким событием в твоей жизни, как бы совершалось и в твоем присутствии и в твоем участии. Ибо на то и дано св. Евангелие, чтобы все верующие, а не только бывшие со Христом избранники Его, зрели земные дни Его и соучаствовали в них. Потому зри очами не как рассказ о том, что когда-то с*другими* было, но что с тобой днесь совершается. Три сердце твое, пока не почувствует оно истины этих слов. На то и дано дневное Евангелие, чтобы изо дня в день жили мы с Господом. И вот, если чтешь ты рассказ об укрощении бури, то знай, что не в переносном, а в прямом смысле бывает это с тобой, и ты тонешь, или изнемогаешь, или соблазняешься и искушаешься от волнения греха ли, или обстояния, и к тебе обращены слова «маловере», но и с тобою совершается это чудо: бысть тишина велия, утихло волнение сердца, и в ясности его вод отразилось небо. Поставь себя пред лицом Господа, моли Его о помощи, бери Его руку, тебе протянутую, и ты победишь волнение души твоей и познаешь радость новой встречи с Господом. О милость Божия, о чудо, каждодневное Евангелие!

192

6/19. V I.1925

Душа человеческая дороже мира. Но она и есть мир духовный, эта душа человеческая; Господь создал ее по образу Своему и вложил в нее бесконечные глубины и богатства. Мы живем в неведении и в беспечности об этих богатствах, но иногда они открываются взору любви во всей своей красоте, и душа в исступлении благодарит Бога, создавшего эту душу. Мы дивимся красотам мира, возвещающим славу Божию, но еще больше мы

дивимся красотам человеческой души, вложенным в человека. И, дивясь красотам мира, мы сами остаемся, какие были, мы только созерцаем. Но видеть духовные красоты и мы в жестоковыйности своей не можем безучастно, и души наши воспламеняются любовию и в ней сами уподобляются этой красоте, светят ее светом. Так, словно свеча от свечи загорается любовь и светит святость в душах. Поэтому нет ничего нужнее и важнее для человека, нежели святость. Святой влечет к себе и согревает; и наполняет, и спасает, и зовет — к подвигу, как журавли из веси небесной зовут нас к себе в высь, говорят и нам, что у нас в душе есть крылья. Не знаем мы сами, что мы имеем от Бога, и вдруг святой — душою своей — являет нам нашу собственную силу и нашу собственную красоту чрез всю нашу немощь. И душа, рванувшись, поднимается в небесную высь и купается в свете и воздухе.

193

7/20.VI.1925

Боже, даруй мне смиряться! Как часто бывает, что, если что-нибудь совершается не по воле моей, волнуется дух мой и я полон гнева и нетерпения. А того не вижу, что Бог посылает мне урок смирения. Смирись — и победишь искушение, снова станешь тверд и ясен, свободен душой, но до тех пор, пока бунтуешься, ты раб. Отцы испытывали терпение своих послушников иногда самым — извне — соблазнительным образом. Надо сохранять мир душевный, и только то, что ты видишь в мире, то и делай. Пока же тобою владеет страсть или гнев, не верь движениям своего сердца. Они тебя обманывают, потому что ты думаешь о себе, что ты искренен и бескорыстен, а тобою между тем движет грубое или тонкое себялюбие. И не смущайся внешним видом и странностью посылаемых испытаний: разве осмысленно гневаться на палку, которою Господь тебя испытует и на-казует? Эта палка находится в руке Всевышнего, и в ней и за ней прозревай и чти ведущую тебя и на-казующую тебя руку. И особенно не давай над собой власти гордости и самолюбию, которые будут шептать тебе, что ты не достоин того унижения или испытания. Нет, всегда достоин и худшего, только милосердствует и долготерпит о тебе Господь. Возгревай же дар терпения и мудрости, терпение и мир Божий да будут в сердце твоем.

194

9/22.VI.1925

Господь послал Своих учеников на проповедь и дал им власть чудес и знамений. Но ту же власть Он дал им и при Вознесении и

также послал на проповедь. И дар Христов остается в Его...

[На этом обрывается тетрадь матери Бландины, переписавшей от руки рукопись о. Сергия Булгакова.]